

The background of the cover is a dark, starry space. Two large, stylized faces are depicted in profile, facing each other. The face on the left is blue with yellow highlights, and the face on the right is red with yellow highlights. They are surrounded by a complex network of thin, glowing lines in red, blue, and yellow, some of which form circular orbits. Small white stars are scattered throughout the dark background.

Полина Граф

КНИГА 2

ДОМИНУМ

ЭКВИЛИБРИС

Эквилибрис

Полина Граф

Доминум

«Popcorn books»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Граф П.

Доминум / П. Граф — «Popcorn books», 2022 — (Эквилибрис)

ISBN 978-5-6047181-6-2

Антарес Непогасимый – мертвый Верховный, надежда Света – так мне о нем говорили. Но, вопреки историям о величии и героизме, не все светлые желают его возвращения. Антарес – звезда с темным прошлым; он говорит со мной и неохотно делится обрывками воспоминаний. Не знаю, друг он мне или враг, что в его речах правда, а что ложь, но я вновь потеряю себя, на этот раз окончательно, если не верну его обратно на небеса. Мрак сгущается в Свете: как на Земле, так и среди звезд. Мы не можем никому доверять, даже себе самим. Все, что у нас есть, – неверный свет красного монстра, озаряющего наш путь...

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6047181-6-2

© Граф П., 2022
© Popcorn books, 2022

Содержание

Здесь вы можете найти словарь терминов и описание персонажей	7
Часть I	9
Глава I	9
Глава II	13
Глава III	21
Глава IV	28
Глава V	34
Глава VI	40
Глава VII	44
Глава VIII	52
Глава IX	57
Глава X	63
Глава XI	68
Глава XII	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Полина Граф

Эквилибрис

Книга 2

Доминум

© Полина Граф, 2022

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2022

Cover art © by Sylvia Bi, 2022

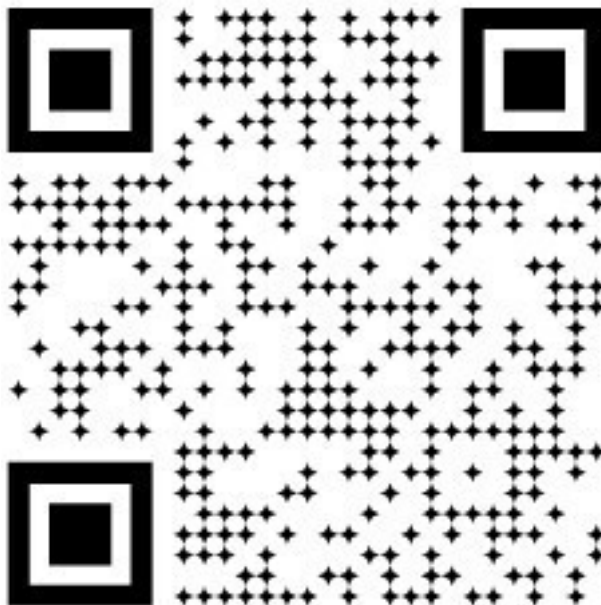
КРУГ ТРИНАДЦАТИ

- ♈ Овен (19.04–13.05) — Фри
- ♉ Телец (14.05–19.06) — Павел Крылов
- ♊ Близнецы (20.06–20.07) — Ламия Казвини
- ♋ Рак (21.07–09.08) — Аданная Турай
- ♌ Лев (10.08–15.09) — Сара Грант
- ♍ Дева (16.09–30.10) — Ханна Йоргенсен
- ♎ Весы (31.10–22.11) — Тисус
- ♏ Скорпион (23.11–29.11) — Паскаль Фавро
- ♐ Змееносец (30.11–17.12) — Коул Харрис
- ♑ Стрелец (18.12–19.01)
- ♒ Козерог (20.01–15.02) — Кимико Сано
- ♓ Водолей (16.02–11.03) — Стефано Феррари
- ♈ Рыбы (12.03–18.04) — Рамона да Коста

ПАДШИЕ СОЗВЕЗДИЯ

	Сокол
	Цербер
	Кот
	Роза
	Гепард
	Яблоко
	Шакал
	Флейта
	Грифон
	Кольцо
	Башня
	Прометей

Здесь вы можете найти словарь терминов и описание персонажей

Per aspera ad astra¹

...Мне выпала странная участь.

Но справедлив ли я, взваливая на брата и детей своих столь тяжкое бремя?

Справедлив ли я, считая, что волен вершить судьбу народа? Грядущих поколений? Тысячи, нет, триллионы душ. Ведь столько их будет однажды, да, это неминуемо. Мириады мириад. В вечной непроглядной Войне.

Я не хочу этого, Вселенная, я не желаю Обливиона своим детям, сопряженной и товарищам. Но какой у меня выбор? Волен ли я выбирать после всего, о чем теперь ведаю?

Нужно лишь разрушить себя, и тогда иного пути не будет ни у кого. Чаша весов наклонится, Эквилибрис нарушится... И это отразится в бесконечности. Конец ради начала, как изрекли Зло и Добро.

Не глуп ли я, что столь легко веряю им себя и всех, кто еще даже не родился? И все же такова воля сил высших – озвученных и неназванных.

Да простит меня генум за то, что я обрек их на судьбу не завиднее моей. Да помогут эфиры брату моему двигаться дальше, вести других тропой ужаса и пустоты.

Я положу начало чему-то столь великому и столь непреодолимо печальному. Чему-то, в чем мне не будет места.

Все начинается с одного. Все начнется с меня.

Вселенная должна умереть...

Из Верховных архивов Аларонема

Я не могу проклинать судьбу, как и все законы мироздания, поедающие нас каждую секунду наших жизней. Мне не найти виноватых – осталось лишь падать, лелея тени воспоминаний.

¹ Через тернии к звездам (лат.).

наний, втравленные в сердце и душу. Оно долбится и долбится в голове, сочится ядом, гни-
лью, постоянно напоминая о последних мгновениях. Я задыхаюсь в них, опаляю нутро, словно
ворохом искр, но не отпускаю, сжимаю в сознании до слома мыслей, воли и костей. Я боюсь
потерять и их, боюсь, понимаешь?

Ты ведь все еще рядом со мной? Ты здесь?

Время возвращается, вечно и бесповоротно. Щелкает, гудит и воет на дугах Армилляр-
ных плит. Голодный монстр. Он не замечен взору, и в то же время все заполнено им: каждый
атом, каждое небесное тело в бескрайней Вселенной. Он – наш воздух, он – наша жизнь, наша
память. Он – это я и ты. Жесточайшее чудовище, перед которым каждый вынужден держать
ответ. Время...

Оно – стекло с кровавыми символами в руках мальчика.

Оно – хрупкая красная сфера в руках юноши.

Оно – алая кровь на моих руках.

Все это стало лишь временем. Рассыпалось, растворилось и умерло в нем. Но воспоми-
нания сохранились. Только они не тронуты вечно голодным чудищем. И я храню этот дар –
единственное, что осталось у меня и от меня.

Есть лишь я, мальчик со стеклом и юноша со сферой.

Грань между нами троими тонка, но ее не преодолеть даже за пять тысяч Генезисов.

Только пожирающее меня время.

Оно возвращается ко мне.

А я отправляюсь назад.

Часть I

Я должен знать

Глава I

Цели, определяющие нас

Когда-то у нас был загородный дом, но после ухода отца маме пришлось его продать, чтобы оплатить долги за мое лечение. До этого мы проводили там каждый июль и август, среди кричащей зелени, под неизменным солнечным пеклом. Отовсюду звучала жизнь: стрекотали цикады, заливались пением птицы, скрипели многолетние дубы под натиском ветра.

Дом был полностью отделан деревом, дышалось в нем легко, словно ты и не покидал улицы. Пройдя по коридору, можно было увидеть несколько десятков фотографий, развешанных на стенах: везде наша семья и никого другого. Гостиная располагалась так, что под вечер солнечный свет золотом прорывался внутрь, затапливая все, до чего мог дотянуться. Там же располагался старый камин, который явно чистили недостаточно. А снаружи в небольшом саду росли маки. Мама трепетно ухаживала за ними, и поэтому в середине лета весь двор заливался красным.

Моя комната находилась наверху, из обоих окон виднелся лес, густой и темный. Иногда, ухватившись за удивительно крепкий желоб сточной трубы, я дотягивался до кровли, упирался ногой в выступающее из стены бревно, а там уж без особого труда взбирался на крышу. На небе прожектором сияла луна, а звезды казались крупными, прямо как яблоки. Лишь единожды я застал звездопад. Десятки мимолетных вспышек и длинные, но быстро гаснущие линии пронеслись прямо над головой. Глядя в то небо, хотелось верить. Во все и сразу. В будущее. В мечты. В невозможное. Да, в невозможное. Тогда моя вера была по-детски безгранична, и я с затаенным дыханием смотрел в небеса едва ли не до самого утра.

Я любил это время, ждал его весь год. Почти единственное, когда отец был со мной и мамой. По крайней мере, помнилось именно так. Словно он восполнял все остальные месяцы, проведенные где-то еще, вдали от нас. Мы отправлялись в походы, сидели вечером у камина. Отец часто рассказывал о странах, в которых побывал, а я слушал, ловил всё до последнего слова и хотел, чтобы лето никогда не кончалось.

А еще отец там же начал учить меня управляться с луком. Он и сам это мастерски умел, стрелял лишь по мишеням, в животных – никогда. За отцом было интересно наблюдать: азарт, что появлялся в его глазах, дорогого стоил. У него были разные хобби, но это я почему-то помнил лучше других. Может, потому что мы его разделяли.

Мои навыки росли, отец был страшно доволен, поэтому я старался только сильнее. Хотелось радовать его любимыми успехами. Потом записался в секцию, и странно, что не бросил после исчезновения отца. Видно, слишком полюбил это дело. Даже пару соревнований выиграл.

И вот наступило последнее загородное лето. Мне тогда было одиннадцать. В тот день отец ненадолго отвлекся по рабочим делам, мама ушла в сад, а я решил потренироваться с луком. Но вскоре понял, что по дурости умудрился забыть свой колчан в городе. Беда только вначале показалась катастрофической – я быстро вспомнил, что в отцовских вещах должны найтись хоть какие-то стрелы. Поиски не затянулись. В кладовой на одной из верхних полок обнаружился сверток с десятком стрел. Холодные и невероятно красивые, они сверкали серебром. С секунду я сомневался, можно ли их брать, но интерес пересилил. Мне до смерти захотелось посмотреть на них в деле.

Мишени были установлены недалеко от дома. Я провел там немного времени, пострелял, а после за каким-то чертом двинулся в лес. Шел долго, погрязнув в мыслях, пока не отвлекся на вороний крик, такой противный, как будто стекло царапали. Я обернулся, посмотрел вверх. Там на тонкой ветке осины сидела жирная ворона. Перья на ее горле вздрагивали, черные глаза бесстыже смотрели вниз. Казалось, птица надо мной насмеялась. Внезапно она показалась мне такой мерзкой, что загудело в голове. Я вспоминал наставления отца о правилах стрельбы. Ничего – о том, что животных нельзя подстреливать.

Ворона почувствовала неладное в самый последний миг. Но я уже выстрелил. Птицу отбросило, туша шлепнулась в траву. Когда я подошел, она уже умерла. Крылья были расправлены черным занавесом, глаза и клюв открыты.

По правде говоря, я не обрадовался. При взгляде на мертвую кучу перьев на душе стало гадко.

За спиной раздался треск веток. В следующую секунду я увидел отца, и внутри все перевернулось. Его взгляд навсегда врезался в память. Злость – вот чем омрачилось его лицо. Тихая, как погода перед дождем. Собственно, я не совершил ничего криминального, но под его взором почувствовал себя преступником. А отец сказал всего пять сухих слов:

– Мы не можем допускать подобного.

Я хотел извиниться, пообещать, что это больше не повторится, лишь бы не терять его доверия, но он уже развернулся и, ничего больше не произнеся, пошел в сторону дома. Я присидел в комнате до темноты, сокрушаясь о содеянном. Мне было страшно выходить, смотреть отцу в глаза, ведь там мог оказаться все тот же холод.

Когда на небе загорелись первые звезды, в дверь постучали и вошел отец с походным рюкзаком. Сказал лишь: «Пойдем» – и ушел прочь. Я мигом последовал за ним.

Мы вышли из дома, направились в лес. Погода радовала теплом и сухостью; ветер колебал листву, где-то вдалеке насвистывал соловей, сквозь замершие кроны просачивались молочно-белые лучи лунного света. Помню, что в груди вспыхнула паника. Я постоянно озирался, а она зверем грызла изнутри. Темнота страшила. Тени казались такими непроглядными и вязкими, что стоило наступить хотя бы на одну, и я бы исчез. Мне мерещились силуэты, выглядывающие из-за толстых стволов деревьев. Они скалились и ждали, когда же я наконец перестану идти по освещенной светом тропке и наступлю во тьму.

Но тут отец остановился и, опустив на землю рюкзак, стал собирать ветки. Вскоре мы уже сидели у теплого, а главное, отгоняющего темноту костра, обложенного камнями. Ни одна тварь не могла подобраться к нам, и я с удовлетворением посматривал в сторону чернеющих кустов, где, по моему мнению, от света прятались чудовища.

Не передать облегчения, которое я испытал, увидев, что отец улыбнулся. Мы сели на плед, после чего разговорились. Сначала я держался скованно, но потом оттаял – то ли от жара костра, то ли от теплоты отцовского сердца. И вот мы уже смеялись.

Прошло около часа; небо избавилось от маленьких тучек, открывая нам небосвод. Отец посмотрел на него. Его взгляд тоже очистился. Исчезла всякая приземленность. Я, как человек, умело заглядывавший в души даже в свои далекие одиннадцать лет, легко определял на глаз, что чувствуют люди. Но ту эмоцию мне не удалось разобрать. Было интересно узнать, о чем же отец думает, и я уже почти коснулся его руки, но тут он посмотрел на меня, заставив отдернуть ладонь.

И ухмыльнулся.

– Скажи, если я доверю тебе тайну, ты сможешь сохранить ее?

– Да? – с подозрением предположил я. – А что за тайна?

– Хотя нет, – передумал отец, – ты всем разболтаешь.

– Нет, расскажи!

Его улыбка поблекла и стала скорее усталой. Театрально выждав пару секунд, отец все же полез за чем-то в карман.

– Вот, возьми, – произнес он.

В его руке оказался темный шнурок, с которого свисала серебряная подвеска в форме маленькой четырехконечной звезды. Она казалась обычной, и я не понимал, почему отец хочет сохранить ее в тайне.

– Что это? – спросил я.

– Путеводная звезда. – Он вдумчиво вглядывался в подвеску. – Говорят, звезды приносят удачу. Когда им хочется. Можешь носить ее с собой или спрятать, но, главное, сохрани. Хорошо?

– Для чего?

– Так нужно, – спокойно пояснил отец. – Возможно, однажды она поможет тебе отыскать дальнейший путь. Ладно-ладно, рассматривай это как простой подарок. Хочу, чтобы она была у тебя.

С этими словами отец передал подвеску мне.

Потом он решил показать созвездия. Без всякой карты, по памяти. Да что там созвездия, он и звезды знал поименно.

– Вон там. – Отец ткнул в небо в неопределенном направлении. – Видишь, на крест смахивает? Как птица, раскинувшая крылья. Это Лебедь. Старое созвездие. Самая яркая звезда – альфа – Денеб. Малую Медведицу, думаю, ты знаешь. Все ее сравнивают с ковшом. Полярная Звезда – на самом краю.

Он отвел руку чуть в сторону.

– Отсюда не видно, но, поверь мне на слово, там спрятался Змееносец. Сколько, по-твоему, созвездий в зодиаке?

– Двенадцать, – ответил я, ни на секунду не задумавшись.

– Вообще, по-хорошему, должно быть тринадцать, – поправил меня отец. – Тринадцать созвездий, лежащих на эклиптике – линии, по которой за год проходит Солнце.

Звезд было слишком много, и я не удивлялся, что кого-то среди них могли забыть. Но отец помнил, а значит, это было важно.

Вдруг позади хрустнула ветка. Я ожидал увидеть нечто страшное, но там была лишь темнота.

– Немного отмотав назад по эклиптике, мы смогли бы рассмотреть Скорпиона. Хотя его здесь тоже не видно.

Я попытался убедить себя, что раз рядом сидит отец, то мне совершенно ничего не грозит. Он не подпустил бы ко мне тьму или монстров. От этой мысли стало спокойнее. Его лицо, всегда глубокое, излишне удрученное, казалось особо добродушным в тот вечер. Мама и потом говорила, что внешне я был точной копией отца, причем это подтверждалось по мере взросления, но вряд ли бы мне удалось когда-либо стать столь же переменчивым и задумчивым, как он.

– Антарес в нем главная звезда. Одна из самых ярких на небе...

– Как думаешь, а ему не обидно? – спросил я.

– Кому? – Отец удивленно посмотрел на меня.

– Змееносцу. За то, что его забыли.

– Наверное, обидно. Всегда неприятно, когда о тебе думают плохо те, о ком заботишься. Но он терпит.

Я не понял, о чем говорит отец. Он обнял меня за плечи.

– У каждого свое место в этом мире, и, как себя не обманывай, ты в любом случае вернешься к нему.

Сладковатый запах клена, под которым мы сидели, щекотал нос. Огонь пылал, и я не мог поверить, что он рано или поздно догорит, поддавшись темноте.

– Но если у тебя достойные цели, ты сможешь изменить мир вокруг. И добьешься чего угодно. – Отец привалился к стволу дерева, покрытому темной и шершавой, как наждачная бумага, корой. – Нужно иметь их, наиважнейшие цели, ради которых будешь готов отдать себя, которым будешь готов посвятить всю жизнь. Иначе сломаешься.

Подул слабый ветер, раздувая искры костра в разные стороны. Они были похожи на маленьких светлячков.

– Надеюсь, ты научишься искать верные цели, Максимус, – тихо сказал отец. Лишь он один произносил мое имя полностью. – Они определяют нас. Узнай, к чему стремится человек, и ты узнаешь его самого.

Я продолжал смотреть вверх, на сияющие огненным пылом искры. Они все еще несли в себе память о костре. Такие преданные. Искры взлетали ввысь, все выше и выше. Порой они гасли, но большинство продолжало свой путь. За своей целью. Вперед, к небесам. В отличие от меня, они могли туда долететь. Искры спешили сбегать от этой реальности, преодолеть все преграды и оказаться в лучшем месте. Они словно хотели стать новыми звездами.

Глава II

Порядок и подчинение

В помещении терпко пахло твердым огнем. Самоцветы в камине остывали, лишь некоторые из них еще тлели фиолетовыми искрами. От крошечной темноты спасал желтоватый светильник, да и тот освещал лишь небольшой уголок кабинета – ровно там, где за просторным каменным столом сидел эквилибрум.

Задумчивость отражалась на его лице – волевым, вечно хмуром и обремененном тяжестью, словно бы эта душа страдала от гравитации чуть сильнее, чем другие. А еще лицо покрывало множество длинных шрамов, точно кто-то в припадке ярости исполосовал широкие брови, тонкую полосу губ, веки впалых глаз, оставив бледные глубокие рытвины. Звезда дремал, он не замечал ни мигания панелей на столе, ни их жалобных сигналов. Ничто для него не существовало.

А затем в его мире появился настойчивый звон, от которого темнота, казалось бы, покрылась рябью. Эквилибрум с трудом перевел взгляд с пустоты на запечатанный вход. Тот испарился, позволяя посетителю войти в просторный кабинет.

Прибывший звезда отточенным движением скрестил ладони на ключицах, приветствуя вышестоящего по спектру и званию, а затем так же быстро убрал руки за спину. Вошедший немного расслабился и озабоченно оглядел кабинет.

– Луц, как давно вы спали? – Получив в ответ лишь неопределенное пожатие плечами, он с большей серьезностью закачал головой. – Альдебаран, не мне вам указывать, что и как делать, но, если ваша душа надломится от нагрузок, это станет проблемой для всех нас, вы так не считаете? – требовательно спросил он.

Альдебаран задержал на подчиненном мрачный взор, от которого не по себе становилось многим, но только не его приближенным. Продолжая хранить молчание, он устало ухмыльнулся.

Подчиненный деловито хлопнул по стене ладонью, и широкое матовое окно стало прозрачным. В кабинет рухнул водопад оранжевого дневного света.

– Вам не следует так долго работать.

Альдебаран принялся рассеянно собирать в кучу инфоры, поступившие к нему совсем недавно. В голове гудело, эквилибрум чувствовал себя непривычно вялым, как и всякий раз, когда отдых откладывался надолго.

– Ты и сам знаешь, Сириус, сейчас тяжелое время, – басовито произнес Альдебаран. – У меня нет права откладывать дела, а они всё копятся. К нашему всеобщему разочарованию, нельзя избежать хаоса при смене Верховного. Кто-то должен решать дела префектуры. Нужно переназначить ответственных за поставку омния, третий трансферный поток разрушен после недавнего сражения с дэларами, около пятисот полисов остались без быстрой связи. Сами темные все больше переступают наши границы, а Магистрат Света...

– У вас в распоряжении целый Совет префектуры Кальцеона, – не уступал Сириус, оперев руки в бока. – И не только Совет звезд, но и планетаров, орнега и прочих! Вы не обязаны отвечать за все в одиночку. Как обычно.

Альдебаран взглянул на него: пышные яркие голубые волосы с трудом закрывали полностью сожженное правое ухо – лиловые следы ранения растеклись по виску и щеке. Серебряные глаза строго взирали на руководителя сверху вниз. Но стоило Альдебарану медленно встать и выпрямиться во весь рост, как положение дел резко переменялось и Сириус остался далеко внизу.

– Ты ведь пришел не только из заботы обо мне, не так ли? – утомленно осведомился Альдебаран, подходя к шкафу со стеклянными накопителями.

– В Люксорусе объявлено первичное назначение нового Верховного. Бетельгейзе Хранящая лично обозначила сроки. Вы же не забыли о созыве префектов, верно?

Бетельгейзе. Альдебаран еще раз устало вздохнул, вспоминая образ Первого паладина Света. Как давно он с ней говорил?..

– Еще много времени. К чему же сейчас разговоры об этом?

– Луц... Оно через два зомы.²

Альдебаран едва не выронил накопитель из рук и изумленно уставился на подчиненного.

– Быть не может.

– Мы же неоднократно напоминали вам об этом!

Эквилибрум озадаченно уставился на все еще мигающую панель в столе. Ему пришлось уже множество сообщений. Он физически не успевал проверить все.

Местное оранжевое светило Еретам скользило по черному звездному небосводу к горизонту. Два зомы... едва замерцает закат, собрание уже начнется.

– Вам лучше поспешить, – заявил Сириус, подавая Альдебарану серебряную накидку. – Будет огромным неуважением опоздать на такое событие.

– Как же не вовремя, – проворчал Альдебаран. – Нужно перенести встречу с главой Совета планетаров...

– Оно и к лучшему. Шауг ад Денеб просто невыносим.

Альдебаран скрепил плащ под горлом фибулой. На ней был изображен герб его генума, самого большого в Свете, – Белзирака.

Сириус встал у самой двери.

– Идите, я поговорю с вашими заместителями.

– Спасибо, что не даешь мне вконец оторваться от мира, – произнес Альдебаран, выходя в холодный коридор.

* * *

Все-таки стоило поблагодарить Вселенную за то, что недавнее сражение разгромило третий транзитный поток Кальцеона, а не первый, – тогда бы Альдебаран ни за что не успел вовремя. Транзитные узлы сменялись один другим, пространство измерялось не милями, а лишь временем, которое тратилось на преодоление всех чудовищных и необъятных расстояний. Когда же последний рубеж был преодолен, а жужжащая пелена испарилась, Альдебарана поглотил ропот сотен голосов – привычный для Зеркального Шпиля.

Отовсюду лился свет. Казалось, у него не было прямых источников, но в то же время все им озарялось. Каждый барельеф, каждая колоннада, каждый свод этого монументального места сверкали белизной. Шпиль неизменно полнился должностными эквилибрами со всех уголков Вселенной. Молчаливые фламмы с их стеклянными телами и пылающей головой, напоминающей горящую свечу. Высокие и гордые послы из префектуры Мавры, вечно скрывающие лица за масками, надменно оглядывали толпу; они отдыхали в одной из ниш с софами, а рядом в ожидании поручений преданно стояли астероиды. Пара планетаров, облаченных в серебряные латы, пронеслась мимо, возможно, спеша выполнить указ своей звезды-патрона. Эквилибрумы наполняли все залы и проходы; Альдебаран молча скользил мимо них с той грацией и незаметностью, которые, казалось, не должны быть доступны существу его размеров. Несмотря на все местное великолепие и простор, обстановка душила эквилибрума. Ему было неуютно здесь, в обители стекла и белого камня, в самом центре Света. Таком перегруженном, шумном, огромном, полном не самых приятных воспоминаний.

² 1 зом – 100 минут.

Альдебаран обогнул широкий атриум, в центре которого светилась объемная переливающаяся карта территорий Армии Света, где огромнейшие, обширнейшие префектуры Вселенной сжались в небольшие клочки. Их было несколько тысяч, каждая со своими провинциями и бессчетным количеством планетарных систем. Каждая имела знамя, правительство, прошлое и, главное, – имперума, титул, передающийся в правящем префектурой генуме. Имперум – хранитель всего эфира своей территории, лицо, приравненное чуть ли не к высшему или даже божественному, ведь было избрано самим Светом. Рука об руку с имперумом префектурой управлял избранный Магистратом префект. Один символизировал все величественное, являясь неоспоримым и честным судьей, распорядителем судеб; второй разгребал все остальные дела, связанные с внутренней и внешней политикой, никак не касавшиеся высших сфер. Под ними двумя находилось множество советов и лож. И все вышеописанное следовало умножать на два, ведь у префектур имелась и другая половина, где правила Темная Армия. Где-то сильнее был Свет, где-то – Тьма, и Эквилибрис держался в равновесии за счет равного распределения эфиров. Два имперума и два префекта, противоборство и баланс. Естественно, обе Армии существовали порознь, и массивные пространства позволяли делать это почти без труда, однако напряжение всегда сохранялось, какими бы обманчиво мирными ни казались времена.

И так повелось издавна. Но в самом начале все было иначе. Давным-давно существовала лишь сравнительно небольшая Империя Света, подчинившая себе Тьму. Затем, в конце второй эры, эры Рабства, темные души вышли из-под контроля, правящий генум Прима измельчал и был свергнут Паладинами при перевороте. Случился первый Раскол Света. Империя умерла. Целых две эры царил хаос с великим множеством душ, провозгласивших себя Верховными своих префектур. Остались лишь одни разобщенные территории, где Свет бился со Светом, а Тьма искала себя. Эра Скитаний, третья по счету, считается самой долгой во всеобщей истории, а к концу четвертой эры Нового Начала все стало приобретать знакомые черты. Тогда генум Орманстрад под предводительством Церены Возрождающей всеми правдами и неправдами, кровью и дипломатией вновь сшил Свет воедино, чтобы вместе устоять перед надвигающейся угрозой. Ведь именно тогда стало ясно: Войны не избежать. Тьма окрепла, набралась сил, захватила множество территорий, воспользовавшись падением Света, и жаждала мести за целые эпохи пленения. При провозглашении Церены Верховной Света Темная армия нанесла удар сразу по множеству префектур, вторгнувшись также и в Люксорус, прямо к началу церемонии. Один из темных Паладинов захватил в плен нескольких членов генума Орманстрад в надежде шантажировать новую Верховную. Впоследствии то событие прозвали Кровавым наречением Церены. Так из пепла Империи Света родилась Армия, и тогда же Бесконечная война обрела свой постоянный облик.

Лишь два раза Тьма нападала на Люксорус. В первый, на посвящении Церены, началась пятая эра Грома и Войны, где конфронтация Света и Тьмы стала открытой и до сих пор не нашла своего финала. Второе вторжение, случившееся ради устранения темными «Непогасимого чудища», окрестили битвой за Люксорус. Она завершила двадцать седьмую эру Коллапса.

Но то было давно и умерло в вечности. Сейчас Армия Света была крепка и надежна, несмотря на все невзгоды, которые повлекла за собой битва за Люксорус. Ее эхо звучало уже сотни Генезисов.

Мысли о незавершенной работе всё еще роились в голове Альдебарана, пускай он и сохранял свойственный ему отстраненный и холодный вид. Но как только префект вышел к стеклянной стене Шпиля, все бывшие невзгоды улетучились. На замену им тяжелым водным валом приближались другие.

Альдебаран остановился прямо на лестнице и окинул взглядом Люксорус. Белый, плотно застроенный полис сверкал мириадами огней. Он раскинулся куда хватало глаз; его шпили, стеклянные купола и титанические стены было сложно выбросить из головы. Основания зда-

ний напоминали ребра неведомых исполинов, а башни – лезвия мечей, что сотнями прорывали пространство, устремляясь к небу. Между ними протекали реки сияния и малые транзитные каналы; скользили ладьи, плывущие по лучам света и поглощающие эфир сверкающими стеклянными парусами. Думалось, что Люксорус заканчивался где-то впереди, но ощущение было обманчивым. Стоило лишь повернуть голову к небу, и тогда далеко вдали, на полосе темного горизонта, проглядывала еле видимая дуга, с которой в бесконечность срывались потоки местных рек. Люксорус представлял собой кольцо, накрытое ало-фиолетовым куполом, словно в вечных сумерках, а внутри него неизменно кружились черный дэлар и красная звезда – Ревершиль и Баэрдод.

Альдебаран ощущал себя ничтожным, глядя на древний необъятный полис. Никто не мог отделаться от этого чувства незначительности, даже звезды. Слишком много эпох повидал Люксорус, слишком много историй в себе хранил. Он походил на колосса из старых легенд – такой же грандиозный и величественный, но в то же время уставший от своего существования.

Здесь, в Люксорусе, находились резиденции главных организаций Света; указы и управление исходили отсюда. Однако не все бюрократические отделы и министерства тут помещались, а потому некоторые занимали соседние планетарные системы.

Альдебаран не мог представить, сколько же душ обитает в Люксорусе. Он глядел на толпы, снующие по переходам, улицам, стенам. Вдали легко угадывался анимериум – строгое аскетичное здание, мрачно возвышающееся над другими. Еще дальше мерцал главный корпус рекрутов, представляя собой стеклянный многоугольник с гербом Света. А чуть в стороне, у внутреннего края Люксоруса, гордо высилась статуя первого Верховного Света – Баэрдода. Она была обращена к его небесному телу. Из ладоней, сложенных горстью, вниз потоком тек чистейший белый свет.

Но не эти явные места привлекали внимание Альдебарана. Неподалеку от Зеркального Шпиля виднелась световая статуя – полупрозрачная, красная, возведенная сразу после битвы за Люксорус. Альдебаран с тяжелым сердцем взирал на нее с такого большого расстояния и все равно узнавал изображенного эквилибрума. Так много времени прошло, а в памяти до сих пор были свежи образы рушащегося полиса. Запах гари словно вьелся в каждую трещину этого места, а стены еще отражали тяжелый стон падающих в пустоту башен. Альдебаран находил что-то неправильное в изящной целостности Люксоруса. Его душа была твердо уверена, что полис обязан оставаться в руинах, охваченный Тьмой, огнем и дымом. Ровно таким, каким его покинул Антарес Непогасимый.

– Альдебаран?

Он спокойно обернулся. Навстречу по белокаменной лестнице спускался облаченный в коричневую мантию звезда. Высокий воротник эквилибрума украшало серебро, под мантией виднелся темно-красный мундир, а на голове красовался простой и толстый серебряный венец.

– Светлого времени, отец, – сдержанно сказал Альдебаран.

Основных различий между Альдебараном и Арктуром было четыре: отец казался заметно ниже сына, впрочем, как и многие вокруг. Они оба принадлежали к красному спектру, достигнув предела своих сил, но если у Альдебарана волосы были темно-алыми, то Арктур обладал гривой бледных, нежно-красных прядей и аккуратной бородкой того же цвета. Кроме того, на великодушном лице отца, таком же скуластым, с теми же густыми бровями, не было ни единого шрама. Арктур имел их раньше, но после возвращения из сомниума, в котором пробыл пятьдесят долгих Генезисов, он не принимал участия в военных действиях. И наконец, Арктур был гораздо щедрее на эмоции, нежели его кажущийся куском стали сын, которому увечья добавляли суровости.

Минуя толпу планетаров, Арктур приблизился к сыну и добродушно потрепал его по плечу.

– Давно не виделись.

– Я и не заметил, но твоя правда, – уклончиво согласился Альдебаран и оглянулся. Что-то не давало ему покоя. – Ты здесь как правовед?

– Да, я обязан присутствовать при таком важном событии, это моя работа. И ты, я так понимаю, тоже? В роли префекта, разумеется. Вряд ли тебя допустили бы сюда как правоведа. – Эквилибрум рассмеялся над собственным замечанием. – Какая все-таки удачная встреча, согласись.

Пока Арктур легким движением поправлял фибулу с гербом Белзирака – такую же, как у Альдебарана, – тот наконец заметил упрямые взоры группки звезд голубого спектра. Судя по форме – рекруты, совсем юнцы. Вероятно, впервые пришли в мир при прошлом Генезисе. А значит, эфиророжденные. В пользу этого говорили недоуменные взгляды, так нагло и неприкрыто бросаемые на префекта и одного из главных правоведов Магистрата Света. Рекруты обсуждали их, Альдебаран знал это наверняка.

«Белзирак», «Элизиум» – доносилось до него надменным шепотом.

– Идем, – сказал Альдебаран отцу. – Скоро начнется.

Когда они проходили мимо хихикающих рекрутов, щеку обдало горячим воздухом. Затем последовали громкий щелчок, хрип боли и взволнованные возгласы юных звезд. Альдебаран не стал оборачиваться, только с ровным сердцем скосил глаза на Арктура. Казалось, его улыбка стала только довольнее.

«Чем быстрее все поймут, каким преимуществом обладают магно-генумы над эфиророжденными, тем лучше», – один из негласных девизов Белзирака – генума, прозванного военным за их опасный дар.

– Итак, ты давно не посещал нас, – спустя пару мгновений продолжил Арктур. Вальяжно сцепив руки замком, он лукаво поглядывал на сына.

– На мне лежит большая ответственность, – холодно ответил Альдебаран. – Вселенная никому не отпускает лишнего времени.

– О да, мне ли не знать! Префект Кальцеона, такая честь. Меньшего мы от тебя и не ждали. Ты всего несколько Генезисов на должности, но под твоим управлением это место воистину засияло.

По одну сторону от них вдоль коридора тянулись высокие статуи бывших Верховных из белого камня, хранившие их подробнейшие черты, вплоть до характерных эмоций. По другую – сплошное окно во всю стену: за ним Баэрдод начал медленно прятаться за Ревершилем, погружая эту часть Люксоруса в темноту.

Арктур смиренно взглянул на небесные тела и сказал:

– Будет крайне интересно посмотреть на развитие событий.

– Какие там события, – прогудел Альдебаран. – Бетельгейзе Хранящая официально выдвинет свою кандидатуру на пост Верховной Света, и ее изберут на первичный срок. А после начнется подготовка к ее полноправному вступлению в должность.

Стоило отцу язвительно усмехнуться, как внутренности Альдебарана стянуло узлом. Арктур не сделал агрессивного выпада, даже не упрекнул сына. Но это было так привычно для их отношений. Альдебаран всей душой ненавидел отцовское снисхождение, тяжелой поступью плетущееся из тех невероятно давних времен, когда он был еще ребенком и ругался с братом, за проделки которого отчитывали обоих.

Альдебаран отбросил эти мысли и сухо осведомился:

– Имеешь на этот счет другое мнение?

– Согласись, в этот раз кандидатур больше чем одна.

Поначалу Альдебаран не понял, о ком он говорит, но, осознав, рассерженно нахмурился.

– Зербраг?

– Верно. Думаю, он тоже неплохо бы смотрелся на посту Верховного, – воодушевился Арктур, указывая на статуи. – Зербраг Прожигающий вполне достоин занять свое место среди этих великих правителей! Разве ты так не считаешь?

Казалось, в воздухе повис запах паленой плоти. Во рту Альдебарана осел стальной привкус с мрачным оттенком ужаса и отвращения. Затем воспоминания прорезал жуткий болезненный вопль.

Альдебаран затрясся от гнева, искры чудом не слетали с его кожи.

– Поверить не могу, что именно *ты* об этом говоришь. Особенно после того, что он сделал с...

– То умерло в вечности, – отмахнулся Арктур. – Что было, то прошло. А Зербраг не только являлся главнокомандующим твоего легиона, но и взял тебя в свой личный отряд, когда ты только занялся военным делом. Ты ему многим обязан! Зербраг должен был стать Верховным еще после Неста Хрупкого, да будет его дальнейший путь гладок. Но тогда Верховным, ко всеобщему удивлению, стал Антарес.

– И что же? Считаешь, что и Антарес не по праву занял это место?

– Нет-нет! Как же я могу? – Для убедительности Арктур отрицательно затряс головой. – Антарес был практически членом нашего генома. Он являлся неоспоримо сильной личностью и полностью заслужил быть Верховным.

– Бетельгейзе тоже нам не чужая, – веско подметил Альдебаран. – Белзирак всегда поддерживал геном Анимера. Ты готов предать эти традиции ради... чего? Этого деспота?

– Брось, тебе лишь бы преувеличить. Бетельгейзе сильна, в этом никто не сомневается. Но она юна. В сравнении с опытным Зербрагом уж точно. Он величайший воин из ныне живущих! Умный, храбрый и расчетливый. Свет многим ему обязан. Подумать только, сколько бы полисов и префектур пало, сколько месторождений омния мы бы потеряли, если бы не он. Зербраг уже давно готов вести всех нас вперед.

Арктур остановился и подманил сына к окну. Альдебаран нехотя повиновался, окидывая взглядом высокий мост, ведущий к закрытым Лучистым воротам Шпиля. Там столпилось необъятное число эквилибрумов. Все приготовились наблюдать за происходящим на заседании через проекции, а затем чествовать главного претендента на должность Верховного. Альдебаран чувствовал поток эмоций, вполне способный снести окна и стены. Надежда. Ее испытывали все: и планетары, и небулы, и астероиды, и звезды, и прочие души. Сейчас, когда Свет пошатнулся и остался без Верховного, надежда была необходима каждому. Потому столь внушительная толпа, занявшая не только этот мост, но и соседние, а также площади и близлежащие улицы, ждала. Кто-то держал в руках облачные свечи, иные принесли знамена. Они были готовы ждать сколько угодно.

– Им как никогда нужен пастырь, – сказал Арктур. – Особенно сейчас, ведь все больше наших земель отходит Тьме. Верховная Оттана отличалась добросердечием, она боялась погубить светлые души, потому приказывала раз за разом отступать. Сколько Генезисов мы так прожили? Сколько новых поколений возвращены на этой почве? Все больше Тьмы, все больше иноверцев и отступников, заслуживающих гало-пленения и паноптикума. И так с самой битвы за Люксорус, со смерти Антареса. Мы медленно, но верно гаснем и падаем в бездну. Лишь Вселенной и Судьбе известно, где и как скоро светлые части префектур захотят независимости и отделения от Армии, из-за чего нам придется пуститься в новый Сумеречный поход против своего же народа? Да, давно не вспыхивало Великих войн, только тихие склоки между Светом и Тьмой, – но кто знает, когда пламя бойни вновь заревет? Мы должны быть готовы. Кто-то должен защитить нас от Тьмы, вновь навести порядок, вернуть в головы светлых правильные ценности. Ты ведь и сам помнишь о наших постулатах.

Арктур самозабвенно взмахнул рукой в сторону Ревершиля и Баэрдода. Он пристально смотрел на небо, в котором горели тысячи звезд.

– У каждой светлой души свое место. Мы рождаемся с предопределением, и Светлая армия толкает наши силы в самом продуктивном для нее направлении. Находя счастье в системе, мы зарабатываем больше Света для себя. Становимся мощнее. Ради Армии. Делай ее сильнее, Альдебаран, укрепляя свою душу. Делай все лучшее во имя нее и никогда не сомневайся в отведенной тебе роли. Она велика, и ты ее заслужил своим трудом. Порядок и подчинение правилам – наше естество.

Альдебаран склонил голову, с досадой понимая, что отец прав. Свободным никто из них по-настоящему не был.

– Мы рожаем свою силу во служении Свету, – вымолвил он общеизвестную истину. – И личные интересы неотрывно связываем с его судьбой.

– Люби свою судьбу во всех ее проявлениях. И прими, что нам всем необходимо занять самое полезное для общего дела место. И именно Зербраг на месте Верховного будет продуктивнее для всего Света, чем кто-либо еще.

Альдебаран не стерпел и продолжил идти в сторону форума.

– Да, если он наконец-то вернется из своих бессмысленных походов. Когда там его видели в последний раз? Зербраг столь эгоистичен, что не признавал ни Паладинов над ним, ни даже Верховной. С тех пор как он вернулся из сомниума, все приказы для него были пустым звуком. Он пытался поднять бунты легионов, хотел обратить против Оттаны несколько префектур и – что самое отвратное – нашел немало сторонников здесь, в Люксорусе! Да, она не была лучшей Верховной, да, она отдавала земли темным взамен на жизни светлых. Но какое он имел право судить, что есть истинное служение Свету, а что – подрывание устоев: спасение светлых душ или сохранение тартских территорий? Пока что, отец, он с трудом может разобраться даже в себе самом. Он зависим от пророчеств сказителей горизонтов и благодаря их туманным намекам уверился в своем праве на место Верховного. Он одержим этой идеей еще с тех пор, когда я был в его полном подчинении! Но как Вселенная уберегла нашу Армию от его власти во времена Антареса, так убережет и в этот раз. Он Второй паладин, а не Первый. Ему поможет только чудо.

И вновь снисходительная улыбка от Арктура.

– Чудо или нет, но уже бывало так, что при общей поддержке Верховным становился и Второй, и даже Пятый паладин. И весь Белзирак на стороне Зербрага, сын. Ты бы знал об этом, если бы почаще с нами общался.

Альдебаран почувствовал, что если скажет отцу еще хоть слово, то взорвется. Потому стих, раздраженно отвернувшись. Прошло с полсвегиды глухого молчания, и, похоже, Арктур почувствовал напряжение. До него такие вещи всегда доходили долго.³

– Ямера спрашивала о тебе, – внезапно и с чуть заметной тяжестью в голосе сказал он.

От этих слов раскаленная скорлупа на душе Альдебарана треснула.

– Я не знал, что мать вернулась из похода в предельные префектуры. Разве там еще не идут военные действия?

– Уже полтора эллера, как она вернулась домой. Остатки ее легиона отзывали по причине почти полного его уничтожения⁴. – Арктур немного помолчал, явно ожидая от сына каких-либо слов. – Она волнуется о тебе. Признаться, странно видеть, что она вообще о чем-то беспокоится.

– Странно? Она всегда обо всем волнуется с тех пор, как брата не стало. – Альдебаран сказал это строго, с холодной прямолинейностью.

Арктур смутился лишь на мгновение.

³ 1 свегида – 100 секунд.

⁴ 1 эллер – полгода.

– Верно. Но с того момента твое положение устремилось к зениту, а это влечет за собой опасности.

– Вряд ли хоть кто-то будет оспаривать мое место как префекта, особенно ввиду тех старых событий с...

– Хватит! – резко воскликнул Арктур, вскидывая руку. Он переменялся в настроении, словно погода на поверхности планеты. – Довольно, не будем об этом. Ты и сам знаешь, что таких разговоров в подобном месте лучше не заводить.

Эквилибрум всегда начинал злиться, когда тема заходила о *тех самых* событиях, которые вознесли Альдебарана в глазах вышестоящих звезд, но на долгое время очернили репутацию Белзирака. Арктур каждый раз притворялся, что ничего и не происходило. Игнорировал не только их, но и собственную кровь...

Альдебаран внимательно и с интересом наблюдал, как Арктур стальными движениями приглаживает растрепавшиеся волосы. В его глазах промелькнули алые искры. А может, то было лишь сияние угасающего Баэрдода. От напряженного разговора их спасла только представшая впереди колоннада форума.

Арктур кивнул Альдебарану.

– Договорим в другой раз. Надеюсь, ты все же наведишь нас с матерью. Пусть Свет озаряет твой путь.

Альдебаран проследил, как отец скрылся за аркой среди других эквилибрумов, и только затем облегченно вздохнул. После происшествия с братом выносить Арктура ему стало куда сложнее.

Когда Альдебаран пробирался сквозь толпу, чтобы занять отведенное ему место, кто-то подергал его за рукав. То был щуплый орнега – серый и незаметный во всех смыслах, одетый в строгий белый костюм местной obsługi. Он пристально и бесстрастно взирал на Альдебарана узкими синими глазами.

– Альдебаран Стойкий, верно? – уточнил он. – Можете уделить мне немного времени?

– Смотря что вам нужно, примум, – устало ответил эквилибрум.

– После собрания вас будут ожидать на пятой малой обзорной площадке. Опаздывать нельзя.

На такое заявление Альдебаран в непонимании качнул головой.

– Кто тебя послал?

Но орнега не ответил – и скрылся так же внезапно, как появился, оставив после себя лишь ворох вопросов.

Глава III

Исход

Встал я недавно, даже завтракать еще не спускался. Хотя такие слова, как «завтрак», «обед» и «ужин», в Соларуме почти не употреблялись. Их называли просто приемом пищи. Конечно, свой отсчет времени здесь был и определялся по Гринвичу и нулевому меридиану. И все равно каждый жил в своем темпе: когда одни отдыхали после тяжелого дня, иные только вставали и готовились к очередному заданию на другом конце земного шара.

Пока что выделенное жилье не очень приходилось мне по душе – я никак не мог его обжить, оттого оно казалось отталкивающим и холодным. И все же я понимал, что однажды придется ко всему привыкнуть и наконец достать вещи из дорожных сумок, чтобы переложить в дубовые шкафы. Но сейчас единственное, что нравилось мне в этом месте, – вид с балкона. Все тринадцать башен протекторов возвышались над лесом, синяя листва которого призрачно переливалась в темноте. Над головой находилось вечно звездное небо – бесконечное и глубокое. Темнота была постоянной в Соларуме – он витал над Землей, ровно напротив Солнца, отчего никогда не озарялся его светом.

Я держал в руках полупрозрачную инфору, между двумя частями которой образовался свиток-проекция. Я читал, пытаюсь отвлечься, но не мог запомнить ни строчки. Последние дни прошли как в тумане, в постоянных домыслах и лечении телесных и душевных ран. До этого же мне, протектору без небесного знака, пришлось столкнуться с кучей проблем. И пара случаев, когда я чуть не умер, казались самыми смехотворными из них. Главной незадачей был тот факт, что моя душа оказалась раздроблена. За последнюю неделю что с ней только ни происходило: начиная от потери осколка и заканчивая слиянием со звездой красного спектра – Антаресом Непогасимым. Тот был бывшим Верховным Света, которого все считали давным-давно умершим, пока не узнали, что один из его осколков оказался внутри мелкого протектора. Все перечислять слишком долго, но вот как теперь представлялись дела: душа в моей оболочке состояла лишь из двух моих осколков и одного чужого – разума Антареса. Помимо этого, не так давно мне открыли, что всю свою жизнь (по крайней мере, очень долгое время) я ходил без третьей части души, что вообще звучало неправдоподобно, ведь при потере осколков творятся, мягко скажем, вещи малоприятные. В общем, я не знал, где моя пропавшая часть души и как ее искать. Даже не имел понятия, откуда начинать поиски. Зато у меня на руках оказался огромный запас светозарного огня Антареса, его эфирное сердце – оно находилось в звезде-подвеске. Я как раз уныло рассматривал ее – в тысячный раз за пару дней. Мне хотелось задать ей вопросы, но ответов я все равно бы не получил. Еще подвеска напоминала мне об отце – необъяснимая и хрупкая нить, оставшаяся между нами. Лишь недавно я вспомнил, как он отдал мне ее прямо в руки. В ней заключалась огромная яростная мощь, которая могла уничтожить все вокруг за долю секунды. И находилась она у обычного адьюта, коим мой отец и являлся. Откуда? Я не знал. Но желал узнать.

– Опять ты в своем депрессивном облаке? – внезапно раздалось за спиной.

Я дернулся от неожиданности. Естественно, это был Дан – протектор под знаком Волка, рафинированный эстет в два метра ростом. Он был уже при параде, и, пускай у всех нас одна форма, на Дане она все равно выглядела опрятнее и утонченнее. Меня это не раздражало, но вот что реально бесило – его постоянные скачки в пространстве. Дан обожал свою способность, а потому считал святым долгом возникать посреди комнаты и вызывать инфаркт у окружающих.

– Тебя стучаться не учили? – проворчал я, пряча подвеску подальше и откладывая инфору. – Знаешь – дверь, постучать в нее... Нет?

– Это очень долго. И неинтересно. Неинтересные вещи не для меня. Я выше таких церемонностей.

– Зато пунктуальность у тебя ниже плинтуса.

– Ну ты, возможно, не поверишь, но даже я не во всем идеален, – усмехнулся он. – Только это останется нашим маленьким секретом, хорошо?

– Ты зачем пришел?

– Фри и остальные волнуются. Ты не показывался никому уже почти сутки, да и выглядишь, мягко скажем, паршиво.

Я метнул в него неодобрительный взгляд.

– А как бы ты выглядел, если бы твоя душа была слита с бывшим Верховным Света?

– Ослепительно, – невозмутимо хмыкнул Дан.

Вид у меня действительно был так себе. Я даже не осмеливался заглядывать в зеркало. Оно лишний раз напоминало о положении вещей. Немногочисленные алые пряди в волосах, мертвенно-бледная кожа и, наконец, серебро, трещинами прокравшееся в радужку глаз. Это походило на какую-то паранойю, но меня прорбировало от одной мысли, что мое тело медленно переходит во власть могущественного гостя. Происходившие со мной метаморфозы – включая кровь цвета серебра – присущи только звездам и могли быть первым звончком в череде непоправимых последствий. Антарес уже управлял мной, когда нам пришлось столкнуться с Лэстрадой – дэларшей, чья душа скрывалась в теле звезды Меморы. И тогда я был не против такого сотрудничества, но теперь оно неотвратимо пугало. Будто Антарес медленно опутывал меня изнутри: органы, кровь, мысли – и только ждал момента, чтобы навсегда отобрать это, запихнув меня в самый дальний уголок сознания. Он ведь мог. Он сильнее меня. Сильнее всех звезд на небе. И я думал об этом каждую свободную минуту, с трудом ел и спал и продолжал вслушиваться в тишину, но ничего не слышал. За последние дни Антарес, которого я изо всех сил старался считать союзником, не проронил ни слова. И от этого в голову лезли пугающие мысли.

– Ты прям позеленел, – просветил протектор, да таким тоном, будто я постоянно вытворял подобное и он устал укорять меня за это. – Тебе нужны общение с другими людьми и еда. А то забился тут и даже не позволяешь манипуляционному отделу себя осмотреть.

– Нам пока не отдали распоряжений, так какая разница? – пробормотал я, подрагивающей рукой приглаживая растрепавшиеся волосы. – Эквилибрумам нужна еще по крайней мере неделя, чтобы восстановить возможность транспортировки на Землю. А связи с ними тоже нет – вы сами говорили, что Лэстрада умудрилась создать манипуляцию, которая отрезала любые сигналы с небес. И эта неделя скоро закончится, и за мной придут все – восставшая часть Армии Света, посланники Бетельгейзе и черные дэлары.

С грохочущим сердцем я затравленно посмотрел на темное небо.

– Они придут. И захотят прикончить меня.

Дан приложил руку к подбородку и задумчиво прищурился.

– Ладно, ситуация действительно так себе, но ведь все могло быть хуже! А по поводу распоряжений – мы как раз хотели обсудить с тобой наш следующий шаг.

– Выяснили, где Поллукс? – Я встрепенулся.

Дан хитро и заговорщицки улыбнулся.

– Да, эта рыжая птаха не успела упорхнуть за пределы Земли до обрушения портала. Наши постоянно наблюдали за «Белым лучом» и теперь точно уверены: он там.

– Тогда почему мы все еще здесь?! – воскликнул я, второпях направляясь к двери. – Мы должны его допросить!

– Эй, тпру. Нельзя выдвигаться прямо сейчас.

– Это еще почему? Мы и так долго ждали!

На лице Дана возникло такое кислое выражение, что мне расхотелось с ним ругаться. Вообще было сложно поверить, что протектора, который вечно влезает в какую-нибудь авантюру, что-то останавливает.

– Ты недоговариваешь, – с нажимом заявил я. – А ну выкладывай.

Как же порой везло, что Дан в нужные моменты был тем еще треплом.

– Ну, – заколебался он, – как бы сказать. Решения еще не вынесли, но Сара хочет уговорить Коула, чтобы он заставил тебя сидеть в Соларуме.

– Что?!

– Она печется об Антаресе и...

– Да плевать мне, о чем она там печется! У Поллукса находится орнега, которая знает о моем прошлом! Я не могу тут сидеть. Звезды, почему все вечно пытаются сбросить меня со счетов?!

– Успокойся, – посоветовал Дан.

– Я спокоен!

Слова вырвались намного резче, чем надо бы.

– Где Коул? – спросил я, умерив пыл.

– Там же, где и Сара. На пятом этаже.

Я хотел было поинтересоваться, что они там забыли, но протектор уже демонстративно отворил дверь и махнул, подгоняя меня на выход. Я подхватил мундир – важный атрибут формы протектора – и натянул его на лестнице.

Мы добрались до транзитного круга и благополучно спустились на пятый этаж. Дан уверенно шествовал по этим путаным коридорам и помещениям, а вот я вполне мог заблудиться. Из-за недавних событий память у меня продырявилась, как ржавая консервная банка, и многое забылось, оттого дороги, которые были знакомы мне ранее, благополучно стерлись из головы.

Приближение карцера стало заметно по общей атмосфере: свет потускнел, пути сужались. Дан рассказал про это место. Чаще всего в камеры бросали дебоширов или врагов. Не раз бывало, что кто-то в Соларуме лез в драки, не подчинялся правилам, буянил, психовал. Тогда таких людей помещали сюда и могли продержать достаточно долго. После нарушителей спокойствия на время лишали какого-то процента памяти или отправляли в ссылку в мало-приятные по климату места либо, что еще хуже, заставляли вести дополнительную вахту в горячих точках. Каждый люмен-протектор был обязан за год отработать определенный срок в тех местах, где приземленные проводили военные действия. Людские сражения – ночной кошмар для Соларума. Сплитов там было как грязи, они сновали между воюющими сторонами на поле брани и пожирали души умирающих. Приземленные сами выполняли за чудищ грязную работу. Потому протекторы и адъюты там и охотились – только они, в отличие от тварей, которых простые пули и снаряды не трогали, вполне могли умереть под перекрестным огнем. Оттого все старались особо не делать глупостей, чтобы однажды не услышать от Смотрителя что-то вроде «дополнительный месяц на Ближнем Востоке».

Вдоль белых стен выстроились наглухо закрытые двери камер. Я даже признал в одной из них ту, за которой не так давно сидел сам и откуда совершил дерзкий побег. За поворотом перед одной из камер стояли два протектора, смотря на полупрозрачную стену. Так было удобно: ты видел заключенного, а он тебя – нет. Я узнал в этих двоих носителя знака Близнецов – Ламию, состоящую в манипуляционном отделе, и Водолея – Стефана.

– О, привет! – весело поздоровалась Ламия, помахав нам рукой. Во второй она держала энерггласс, в который до этого что-то бодро записывала. – Макс! Я же просила тебя заглянуть ко мне еще вчера!

Посреди светлой камеры стояло кресло, к которому приковали человека. На вид ему было под тридцать. Я его не знал: темные курчавые волосы, квадратное лицо, глаза грязного серого оттенка – цвета пасмурного неба. На шее большой пурпурный шрам как от ожога,

немного заходящий на челюсть. Незнакомец выглядел крупным даже сидя в кресле. Его выдавала одежда – многослойная, душная, незаметная.

– Падший? – поразился я, оглядываясь на других. – Откуда он здесь?

– Его схватили, когда вы с Даном сбежали от предателей, – сообщил мне Стефан. – Он не ожидал, что на него накинута сразу шестеро.

Я возмущенно глянул на Дана.

– Ты знал?

– Я многое знаю, – с важностью заявил он.

– Так какого черта я впервые слышу о падшем?! Почему ты не сказал мне?

– Ты не спрашивал!

– Его зовут Гектор Рауш, – произнесла Ламия, пока я не продолжил докапываться до Дана. – Переметнулся к падшим двадцать два года назад, перед этим пробыв у нас всего два. Быстро сломался, испугался, что его душа потерпит Обливион. Ходил под знаком Цербера.

– Странно, что не Крыса, – отметил Стефан. – Нам вообще такого знака не хватает. Значит, какой-нибудь Южный Треугольник, Наугольник и Столовую Гору – это мы одобрили и согласились, да, а дать падшим соответствующее погоняло – фиг там?

– Сколько раз повторять, что названия знаков меняются в зависимости от человеческих терминов, мы их корректировать не можем, – пояснил Дан. – Все-таки мы служим людям, пусть сами выбирают, какое созвездие как на- звать.

– Ладно-ладно, – Водолей вскинул руки в усталом примирительном жесте. – Не мне же быть Насосом опущенным. – Тут он глянул на меня. – А на твоём месте я б поволновался, звезданутый, место-то вакантное.

Между тем внутри камеры, помимо Гектора, находились еще трое. Коул Харрис – Змее-носец, выполняющий обязанности Смотрителя, – с уверенностью стоял прямо перед падшим. Сара прислонилась спиной к стене. Она будто ждала, что заключенный вот-вот выдаст что-то из ряда вон, хотя на лицо казалась ледяной как айсберг. А еще я заметил в самом углу смуглого юношу – Пабло, который принадлежал к созвездию Малого Пса. Когда мы были в Аргентине и меня пытался прикончить Скорпион, Пабло вместе со Стефаном старался его остановить. Сейчас этот коренастый протектор сидел за небольшим столом в окружении нескольких инфор и световых проекций, зависших у него перед лицом. Он удрученно потирал два глубоких шрама, пересекавших его лоб.

– Что они делают? – поинтересовался я.

Стеф сложил руки на груди.

– Информацию выбивают. Коул играет роль хорошего полицейского, а Сара – карателя.

– А Пабло?

– Он из технического отдела, – ответил Дан, приблизившись к полупрозрачной стене. – Следит за эфиром падшего. Потом может пригодиться для более успешного вытягивания информации. Будут знать, на что давить.

Я хмуро уставился на пленника.

– А почему нельзя просто применить к нему какую-нибудь манипуляцию, чтобы он говорил только правду?

– Можно, конечно же, и это было бы очень интересно, – улыбнулась Ламия. – Но, к величайшему сожалению, это запрещено. Нам, приземленным, нельзя совершать манипуляции над чужими душами без их согласия. Военное преступление, все дела.

– Я уже устал ходить кругами, Гектор, – сказал Коул. Звуки, как оказалось, отлично проходили через стены. – Просто скажи нам, куда отправились остальные, и мы не будем прибегать к крайним мерам.

– Крайним мерам? – с презрением сплюнул падший. – Да вы лишний раз пошевелитесь боитесь без приказов с неба.

– Мы уже час потратили на пустой треп, – с прищуром выдавала Сара. – С ним бесполезно договариваться. Он не понимает человеческого языка и ведет себя как животное. Значит, мы должны обращаться с ним должным образом.

– Понеслась... – едко протянул Стефан.

– Ты готов терпеть это? Они гниль. Предатели Света. Они убивают приземленных, добавляют нам работы. Почему мы должны щадить таких как он? Ради чего?

– Потому что я не желаю им уподобляться, – стальным тоном произнес Коул. – Я хочу договариваться, находить общий язык, а не решать все грубой силой.

Падший скептически прищурился.

– Договориться? И что же ты можешь мне предложить, о Смотритель?

Коул некоторое время молчал, оценивал Гектора, будто мысленно пытаясь разобрать его на части и понять, как тот в принципе работает. Потом сделал несколько шагов к стене и подошел к ней так близко, что встал в каком-то метре от нас. И тогда он сказал:

– Я предлагаю тебе свободу.

Протекторы заметно удивились, Ламия даже прекратила строчить.

Падший же непонимающе нахмурился:

– Чего? Какую, мать твою, свободу?

– Ту самую. – Коул обернулся к нему. – Услуга за услугу, как говорится. Так поступают порядочные люди.

– Опять он со своей порядочностью, – вздохнул Дан.

Стеф дернул плечами.

– Это потому что он британец. Пять часов, чай, в задницу Европу, «боже, храни Королеву» и порядочность.

– Напомни мне потом, чтобы я рассказал тебе поподробнее о культуре англичан, – попросил его Дан. – А то ляпнешь еще что-то подобное на людях, и придется говорить, что я тебя не знаю.

– Поздно, так уже делаю я, – донеслось от Ламии.

– И в чем же свобода? – спросил Гектор. – Убьете меня? Так вы ведь и так это сделаете. Коул покачал головой.

– Нет, я не хочу марать собственную душу убийством. Но и падшим мы тебя оставить не можем. Потому я и предлагаю тебе освободиться. Обнуление. Ты полностью забудешь, кем был, при этом мы запечатаем в тебе Тьму до приемлемых процентов.

Гектор во все глаза вытаращился на Змееносца. Я не понимал: хочет ли падший поверить ему или же просто изумляется столь странному и идиотскому предложению. Остальные так уж точно считали его как минимум неправильным.

– Прежде чем ты решишь, – тихо сказал Коул, обходя падшего по кругу, – я хочу напомнить, что вариантов у тебя немного. Ты прав, в случае отказа нам придется тебя убить, ведь ты занимаешь место Цербера. А вместо тебя кто-то уже мог бы приносить пользу миру.

Напряжение нарастало, пронзало меня ледяными иглами. Падший сник, усердно обдумывая услышанное, а Коул упорно давил.

– Ты ведь боишься смерти, не так ли? – с холодным участием спросил он. – Я помню, как ты был среди нас, и тебя нельзя было назвать плохим человеком, Гектор. Неужели тебе нравится вести такую жизнь? Тебе нравится быть на побегушках у Шакары? Она заставляет вас всех причинять боль другим ради собственных больных фантазий, тебя это устраивает? Калечить и губить других для очередной передышки в безопасности. Что это за существование? А я скажу тебе: это неправильная жизнь, следы которой мы можем стереть, будто ничего и не было. И для этого ты должен только сказать, где остальные падшие. После этого все будет в порядке. Я обещаю.

Казалось, падший клонул. Было видно, в какое волнение его привело предложение Коула. Я сам недавно бежал от обнуления как от огня, а вот Гектор был бы рад ему. Какую жизнь надо вести, чтобы видеть в этой процедуре спасительный путь?

Гектор напрягся и спросил:

– И тогда вы отпустите меня к приземленным?

– Мы можем лишь зачистить твои эфиры и стереть память, но ничто не сможет исправить того, что в тебе звездный Свет. Его никак нельзя ни спрятать, ни загасить. Сплиты будут продолжать охотиться за тобой.

– Так вы просто заставите меня быть протектором?

– Зато ты будешь прощен.

И тут Гектор залился неприятным клокочущим смехом. От меня не укрылось, как Стеф сжал кулаки до побелевших костяшек, а Дан стиснул челюсти. Я чувствовал исходившую от них безысходность. Но они огорчились не тому, что от них ускользнул шанс отловить падших. Просто Коул лишний раз напомнил нам о том, почему протекторы все еще здесь и почему никто не может уйти.

– Он не хочет просто забыть, – мрачно произнес Дан. – Он мечтает, чтобы этой жизни, связанной с миром Эквilibриса, не было.

– Но он уже его часть, – отметила Ламия, опустив плечи. – Как и мы все. Если ты узрел мир Эквilibриса, то уже не найдешь дороги обратно. Тебе придется сражаться...

– ...и умирать за него, – договорил я.

Коул ждал, пока Гектор, успокоившись, не выдал:

– Иди на хер со своим прощением! Ты совсем кретин?! Это одно и то же! Та же смерть, тот же Обливион! Забвение! Вот как все закончится, если жить под гнетом звезд. А если вы просто убьете меня, то моя душа спокойно отправится по дальнейшему пути. Так что этот вариант самый гуманный, не находишь? И я лучше выберу его, чтобы попасть туда, куда твоя душа уж точно не доберется, ты, жратва сплита!

Змееносец потерял терпение и, махнув остальным, вышел к нам. Пабло собрал свои инструменты и, вслед за Сарой покинув камеру, закрыл дверь.

– Черт, – проворчал Коул, приглаживая черные волосы. Нерв у его правого глаза заметно подрагивал. – Нам нужно узнать, где падшие. Такой шанс выпадает нечасто.

– Гектор не рассказал ничего полезного, – сообщил ему Пабло, просматривая заметки. – Но было несколько эфирных всполохов. Я все обработаю и сообщу, на какие темы давить, чтобы он поддался.

– Еще разговоры? Бросьте, я же предупреждала, – хладнокровно сказала Сара, положив руки на грузный рабочий пояс. – Нужно показать ему, что мы настроены решительно.

– Мы не можем его пытаться. – Дан резко посерьезнел. – Во-первых, мы не звери, во-вторых, это грязно и неэтично, в-третьих...

– Давайтеотрежем ему лицо! – воодушевился Стефан, впервые на моей памяти так светло и чисто улыбаясь. – Ну пожалуйста. Это недолго, я...

Дан посмотрел на Коула.

– Попытки – это, конечно, замечательно и все такое, но наше рандеву с падшими продолжается уже не одну тысячу лет и может иметь место еще некоторое время. А вот что точно нельзя откладывать – так это вопрос с Поллуксом и Антаресом.

Коул вымученно потер переносицу. На лбу его залегли морщины.

– Да, ты прав. Я как раз хотел собрать отряд.

– В котором для меня места не найдется? – напрямик спросил я. – Сара уже начала тебя убеждать, что мне опасно идти в «Белый луч»?

Сара прожгла Дана таким взглядом, который вполне бы мог спалить стену.

– Ты уже всем растрепал, да?

– Но он же спрашивал! – воскликнул тот, словно это было достойным оправданием.

– Да, я хотела попросить, чтобы ты оградил монструма от этой операции, – сказала Сара Коулу. – Да и вообще от всех включающих в себя малейший риск для жизни.

– Опять ты за свое? – вспыхнул я, сжав кулаки. – Мне нужно увидеть ту орнега!

– И увидишь, когда мы ее приведем, – непоколебимо ответила она. – А до этого ты должен беречь Антареса. В случае его смерти всем нам придется очень и очень туго, и все это будет на твоей совести.

Я еле уговаривал огонь в груди не яриться. Почему-то он начинал распалиться, когда эта бестия вновь пыталась преградить мне дорогу.

– Да к черту Антареса, если он не сможет постоять за себя в такой мелкой разборке! Он должен защищать Армию Света, а тут не справится с кучкой преступных заоблачников? Какой из него тогда защитник?!

– Ты не можешь применять его силу, – не уступала Сара. – Она сожжет тебя.

– А вот тут ты не совсем права. – Ламия приложила стилус к подбородку. – После того как Максимус объединился с разумом Антареса, его регенерация улучшилась в несколько раз. Звездный эфир такой мощи залечивает раны, которые светозарный огонь наносит человеческой оболочке. То есть Максимус может использовать Свет Антареса. Понемногу, разумеется.

– Это все равно слишком рискованно.

Коул взмахнул рукой, призывая нас к молчанию, и тяжело вздохнул.

– Я не могу запретить ему находиться там, где он должен быть. На самом деле Свет Антареса – единственное, что сейчас может помочь нам.

– Ты в своем уме? – набросилась на него Сара. – Мы не можем так рисковать! Протекторы и без него справятся!

– В том-то и дело, что нет. Сара, там заоблачники. Как ты себе это представляешь? Просто прийти к Поллуксу и потребовать, чтобы он отпустил орнега, которую ненавидит всей душой? Да в лучшем случае он просто посмеется и вышвырнет вас. А штурмовать «Белый луч» мы не можем – не та весовая категория. Но Антарес сильнее всех этих эквилибрумов, вместе взятых.

Змееносец выдавил из себя невеселую улыбку, при этом потирая запястье правой руки, на которую была надета перчатка.

– А ведь он прав. – Коул оглянулся на полупрозрачную стену и сидящего за ней падшего. – У нас, протекторов, все и всегда имеет один исход. Но сейчас нужно пойти по альтернативному пути во имя личного и общего блага. Макс, я надеюсь, ты сможешь напомнить «Белому лучу», что на этой планете они лишь гости.

Глава IV

Будущее, полное света

Префекты, имперумы и иные руководящие лица часто приглашались на заседания, хоть почти всегда были лишь зрителями: в основном на форуме решала вопросы тысяча сильнейших и достойнейших звезд – Магистрат. Они выбирали путь для всего Света на грядущий Генезис, рассуждали о военных делах с дэларами, решали очередную проблему с делением территорий между префектурами, иногда даже судили особо провинившихся преступников. Но нынче речь шла о чем-то более всеобъемлющем и важном, чем подсчет легионов, отправляющихся на военные рубежи. Здесь решалась дальнейшая судьба всего Света.

Форум представлял собой большой многоярусный амфитеатр. Над воротами был вырезан девиз Света – «Фиат Люкс», противоположный темному «Бенит Тенебра». На какое место ни сядь⁵ – взгляд будет устремлен к каменному трону. Он смотрелся таким вычурным в своей простоте, что, казалось, был принесен из другого места, а не стоял здесь с самого основания Люксоруса. Альдебаран укладкой пытался представить себя на этом троне, но не мог – воображение неотъемлемо обрушивало на него груз тысяч нетерпеливых взоров, прожигающих со всех сторон. Без хозяина трон выглядел мрачным и тоскливым, будто замороженным во времени. За ним высилась стеклянная стена, позади которой виднелся полный звезд и туманностей космос. Стальная рама в окне имела форму звезды Света со множеством лучей, тянувшихся во все стороны. Под потолком кружило вселенское пространство – россыпь мерцающих точек и лениво вращающихся галактик. В их мягком синеватом свете эквилибрумы устраивались на местах. Члены Магистрата садились как можно ближе, а все остальные располагались на задних рядах или в многочисленных ложах под самым потолком, где говорящий с трибуны благодаря манипуляциям слышался столь отчетливо, словно стоял рядом. Альдебарана поместили в одну из них, чтобы он своим выдающимся ростом не загораживал обзор остальным.

Сначала до зала доносился тихий гул, от которого, казалось, дрожал пол. То были голоса снаружи, настолько их было много. Затем задействовали манипуляции тишины, и в зале остался лишь ропот присутствующих. Но вскоре и он начал стихать, и Альдебаран заметил длинные тени, потянувшиеся из главных ворот. Среди вошедших он немедленно узнал отца. Арктур показался ему необычайно мрачным, что можно было бы объяснить их недавним разговором, однако в плохом расположении духа, казалось, пребывал весь десяток правоведов. Эти укутанные в коричневые накидки звезды торопливо прошли по залу и заняли свои места в первом ряду специальной ложи. Никто из правоведов не переговаривался и даже не смотрел друг на друга, перед некоторыми из них лишь вспыхнули световые панели для записей процесса. Вслед за ними на форум прибыли оставшиеся Паладины. Над их головами венцами застыли осколки зеркал, острые ореолы. В одеждах проглядывали латы, на плечах лежали расшитые созвездиями синие накидки. Как только Паладины разместились на своих местах, на форум наконец вошла Бетельгейзе.

В этот момент сердце Альдебарана екнуло, он медленно подался вперед. Альдебаран периодически видел Бетельгейзе на заседаниях – и всегда ровно так же, как и сейчас, издали, когда их разделяли десятки рядов и сотни душ. И они никогда не общались ни до, ни после этих вынужденных и тягостных сборов, с тех пор как ее карьера пошла в гору. Сколько же времени прошло с их последнего разговора? Альдебаран не решался даже примерно ответить на этот вопрос.

⁵ «Да будет Свет» (лат.).

⁶ «И наступит Тьма» (лат.).

Бетельгейзе была единственной, кто, оказавшись на форуме, замешкался и остановился. Она оглядела толпу, словно бросая ей молчаливый вызов, а затем шаг за шагом прошла вперед, сохраняя хладнокровный вид и прямую осанку под таким количеством взоров, которые своей тяжестью могли прорвать ткань пространства. Бетельгейзе ступила на невысокий помост и оказалась прямо напротив трона, в круге яркого света. Она вновь обернулась к абсолютно стихшему форуму. Вызов в глазах Первого паладина горел ярким пламенем.

– Светлые души! – начала она громко и церемонно, вознося к ним свои изящные бледные руки. – Мы все связаны с вами законами Вселенной: писаными и неписаными, всеми, которые она хранит в своих бесчисленных гранях. И эти же законы вынуждают нас быть теми, кто мы есть, делать все возможное ради сохранения Света и его хрупкого благополучия. Один из этих законов гласит о переменах. Неотвратимых, возможно, нежеланных. Но мы принимаем его ради общего блага, поэтому эры продолжают сменять друг друга. Свет все еще силен. И мы собрались здесь, чтобы продолжить эту преемственность, дабы сохранить нашу Армию и сделать ее еще сильнее. Луцы, магны и примумы, как Первый паладин я открываю заседание, посвященное первичному назначению нового девять тысяч пятнадцатого Верховного Света.

После этого последовала традиционная формальная речь, отдающая дань памяти заслугам различных Верховных. Некоторые правоведы что-то записывали в световые пластины, другие беспристрастно взирали на Бетельгейзе. Альдебаран всматривался в нее: ему с трудом верилось, что эта стойкая и смелая звезда когда-то могла быть тем самым неуверенным в своих поступках рекрутом. Ему и не думалось, что все однажды обернется *так*. Что он будет здесь, а она – там. Альдебаран не без удовлетворения подмечал восхищенные взгляды некоторых звезд. Теплая гордость крепла в нем при каждом слове Бетельгейзе. Он жадно ловил их все.

– Но пора вернуться к настоящему, – Бетельгейзе наконец подошла к сути и позволила себе глубоко вздохнуть, при этом сцепляя руки в замок. – Луцы, магны и примумы, светлейшие правоведы и Паладины, инквизиторы, анимусы, префекты и имперумы, я, Бетельгейзе Верящая, Белая Пыль, Крушающая Тени, Зрящая, а ныне – Хранящая, Первый паладин Света, Хранительница Белых пределов, нить магно-генума Анимера, предлагаю себя на место следующей Верховной Всепроникающего Света. Я полностью веряю вам это решение, клянусь посвятить себя великой должности без остатка... – Тут она на секунду помедлила в своей идеально выверенной речи, словно какая-то мысль сбила ее прямо на ходу. – Пока мы не имеем более идеального кандидата. И душой, и телом я с честью...

И вновь Бетельгейзе замерла, но на этот раз смутившись при виде кудрявой планетарши с нимбом свечения над головой, так беспардонно вбежавшей в зал. Она даже и не подумала поприветствовать звезду, наоборот – полностью ее проигнорировала и пробежала мимо, прямо к ложе правоведов. По рядам прокатились возмущенные шепотки. Бетельгейзе озадаченно проследила за внезапной гостьей, которая что-то быстро и тихо рассказывала правоведам. Те кивали и слушали планетаршу с намного большим интересом, чем речь Бетельгейзе. Прошло чуточку больше времени, чем положено по хорошему тону, прежде чем правоведы заметили, что Первый паладин замолчала и мрачно взирает на них. Арктур дружелюбно ей улыбнулся.

– Простите, светлейшая, прошу, продолжайте! Не обращайтесь на нас внимания.

Альдебаран поверить в это не мог. Что за наглость? Словно они были здесь не ради нее! Бетельгейзе, возможно, тоже об этом подумала, но все же вернулась к форуму.

– Я с честью буду служить каждому из вас как в светлые, так и в самые темные времена. Потому на основании...

– Никаких оснований нет.

Это раздалось резко и громко, как удар тяжелого молота о сталь. Услышав низкий стремительный тон, Альдебаран напрягся, чувствуя, как волосы зашевелились на затылке.

Появление Зербрага Прожигающего было более эффектным, чем вмешательство маленькой планетарши. За ним развевался дорожный плащ, он даже не потрудился переодеться в

церемониальное одеяние. Длинные тонкие ноги быстро вынесли эквилибрума в центр зала, и он оказался всего в паре метров от изумленной Бетельгейзе. Воистину, Зербраг привлекал внимание намного сильнее, чем она, пусть и не стоял на подсвеченном месте. Все движения его казались не только быстрыми, но и какими-то острыми, точно он не имел ни на что времени, даже на беспокойство или элементарный взор на собравшихся, включая Первого паладина. Зербраг казался хмурым – таким Альдебаран знал его всегда; не было ни мгновения, когда это было по-другому.

– Приношу свои извинения за опоздание, – без толики сожаления сказал он, глядя на векторные часы, зажатые в руке. – Надеюсь, это не стало для вас проблемой.

– Мы рады, что вы не оставили без внимания данное событие, – холодно сказала ему Бетельгейзе, указывая на ложу Паладинов. – Теперь, прошу, займите отведенное вам место.

– Как раз этим я и занимаюсь, – ответил Зербраг, а затем обернулся к правоведам, убирая часы. – Вы не против, если я возьму слово?

– Что за вздор?! – вспыхнула звезда. – Как ты...

– Разумеется, мы не против! – воскликнул Арктур, с уважением глядя на Зербрага. – Для этого и созывается первичное назначение – для выборов и дискуссий, если таковые имеют место быть! Вас давно не было видно. Что бы вы хотели сообщить нам?

До Альдебарана донесся возмущенный ропот. Происходящее было верхом наглости и пренебрежения не только традициями, но и элементарным уважением к Бетельгейзе.

Зербраг сухо кивнул Арктуру и только затем исподлобья оглядел зал. Альдебаран почувствовал невольный холодок, начав вглядываться в знакомую тонкую фигуру, у которой вместо позвоночника будто находился железный брус. Кто знает, где этот эквилибрум побывал в последнее время, но шрамов на его худом лице стало больше – две бледные линии пересекали всю правую сторону, заканчиваясь угловатым пятном на лбу.

– Действительно, я долго отсутствовал, – громко и резко заговорил он. – Я обязан извиниться за это перед всеми вами: если ты предан Армии, то не имеешь права игнорировать возложенные на тебя обязанности. Вы вольны осуждать меня за невыполнение роли Второго паладина при Верховной Оттане. Но мне есть что поведать вам. Как вы знаете, я отсутствовал много эллеров. Вместе с моим отрядом мы прошли множество уголков Вселенной. Мы скитались по просторам Великого Магнитного океана, странствовали среди тысяч Алмазных плит, погружались в шторма Слитых систем, что были выброшены за пределы точки горизонта...

– Невозможно, – возмущенно прошептала звезда – префектша Иттополиниады, сидящая рядом с Альдебараном. – Если бы он вышел за горизонт и вернулся, то вряд ли бы смог даже прямо стоять.

– Зная его, не думаю, что он ходил туда лично, – тихо ответил эквилибрум.

Зербраг взмахом руки подал знак своим провожатым. На форум высыпали вооруженные звезды с развевающимися алыми плащами. Громыхая мерцающими латами, они выстроились возле стен, точно собрались подпирать их своим каменным видом. Два последних эквилибрума несли увесистый сундук.

– Нами двигала одна цель, – продолжал Зербраг, даже не взглянув на поставленный перед ним предмет. – Мы хотели помочь Свету возвыситься как никогда. Вернуть наше величие. Многие из нас жертвовали самым ценным. Кто-то – даже собой.

«Но не ты», – раздраженно подумал Альдебаран.

– Странствия заводили нас в самые разные места, и светлые, и темные, пока мы не обнаружили след. Тогда он повел нас еще дальше.

– И вы нашли то, что искали? – нетерпеливо осведомился кто-то из Паладинов.

– Да, – ответил Зербраг. – Мы нашли первый Маяк.

Звезды вокруг Альдебарана начали удивленно переглядываться.

– *Под светом ложного неба, внутри черной тверди, там тянется луч среди блеска могил. Оно не то, чем кажется миру, но вернет душам все, что утрачено было...*

Зербраг сказал это тихо, рокошуще, но стоило ему замедлиться, как Бетельгейзе не упустила возможности взять слово:

– На этот раз вы покинули нас ради древних сказок? И что же они вам дали?

Вместо ответа эквилибрум нагнулся, открывая сундук. Многие звезды от любопытства привстали с мест, чтобы лучше разглядеть его находку.

Крышка бесшумно отъехала, из темного нутра потянулся пар. Зербраг осторожно взял хрупкое нечто.

– Эти сказки – единственное, что у нас было. И они дали нам все.

Изумленный гул нарастал. Альдебаран пораженно уставился на полый фиолетовый ромб из стекла. Тот был большой и прозрачный, где-то с половину Зербрага. А еще кристалл оказался расколот.

– Это лампа Маяка, что установлен в Первом пределе, – громко и сухо пояснил эквилибрум собравшимся. – Мы взяли ее с собой, чтобы убедить всех вас в ее подлинности. Юниверсариум может провести с ней любые манипуляции, но, светлейшие правоведы, не взглянете ли вы на лампу сами?

Как только он поднес ромб к ложу правоведов, те жадно потянулись к артефакту, осторожно оглядывая его и, казалось, боясь разбить даже дыханием. Арктур внимательно вглядывался в стекло и, заметив на нем метки, возбужденно усмехнулся:

– Здесь печать Баэрдоды Путеводного!

– Сам первый Верховный Света присутствовал при возведении этого великого сооружения, – спокойно подытожил Зербраг.

Тут Бетельгейзе вновь не вытерпела:

– Это воистину великолепная находка. Но, как я заметила, лампа расколота. Мы не сможем вернуть в нее тот первородный Свет, который направил бы нас к иным Маякам.

Зербраг согласно кивнул и двинулся на свое прежнее место, оставив правоведов увлеченно изучать находку.

– К тому же, – упорно продолжала Бетельгейзе, – если мне не изменяет память, Маяки никогда подолгу не задерживаются на своих местах. Так гласят легенды. Они выпали из нашей точки горизонта – дрейфуют вне времени и пространства. Вряд ли тот, который вы нашли, так и остался...

– Я выдвигаю свою кандидатуру на место Верховного Света по праву доверенного.

Бетельгейзе в потрясении лишилась дара речи, как и все на форуме. Сердце Альдебарана замерло, он ждал чего-то подобного – дерзость всегда была в духе его бывшего начальника.

Когда Бетельгейзе оправилась, Зербраг уже занял свое место перед ней.

– Вы не являлись доверенным Оттаны Устремленной, – холодно отрезала она, ни на секунду не теряя величия и становясь все грознее с каждым словом. – Вы никогда им не были – в каких бы Генезисах вы ни жили, ни один Верховный не делал вас своим доверенным. А без этого вы не имеете права претендовать на место Верховного.

– Мне и не нужно быть доверенным Верховного. Им меня сделает мой народ.

– Ваш народ? Вы оставили его! Вы снова бросились в свои слепые поиски, основываясь на легендах, чтобы найти сломанный Маяк!

– Но мы нашли его, – жестко ответил ей Зербраг. – Никто до этого не мог и подумать, что это возможно, а я нашел путь. Я сделал больше, чем кто-либо за все прошедшие Генезисы. Пускай Света в лампе больше нет, но способ вернуть его будет найден. Это малая проблема. Я сделаю это, вновь отыщу Маяк и отправлюсь к следующему, а затем к следующему, и так, пока они не приведут меня к Аларонему.

Он стремительно повернулся к изумленным слушателям и с пламенем в голосе изрек:

– Да. Я намерен зайти как никогда далеко. Я верну полис, который мы давно утратили. Тот самый полис, в котором родился не только Баэрдод Путеводный, но и сам Свет. Многие долгое время считали Алароном всего лишь легендой, местом, в которое больше нет дороги ни одному эквилибруму.

Тут Зербраг указал на Бетельгейзе.

– После смерти Антареса Непогасимого нами правили слабые Верховные. Вы все это знаете. Мы бы не оказались там, где сейчас, окруженные Тьмой, если бы было иначе. И вы готовы рискнуть еще раз? Желаете, чтобы так продолжалось, чтобы мы вконец погасли? По-вашему, правление Бетельгейзе – именно то, что поможет Свету вновь вспыхнуть? У нас больше нет права на ошибку. Что она вам дала? После победы над Вторым паладином Тьмы при своем желтом спектре Бетельгейзе лишь тихо и безопасно поднималась вверх, к Магистрату. Да, она вела за собой легионы, но что великого она сделала? Хоть один громкий подвиг? Может, ей для этого недостает знаний и опыта? Или храбрости? – Он укоризненно посмотрел на Бетельгейзе. – А может, она боится погибнуть, не оставив после себя потомков? На ней угаснет весь магно-генум Анимера. Когда-то выходцы оттуда уже ставили узы Ноэ выше долга, когда Линадесе Отрекшаяся, будучи последней из рода, отказалась быть имперумом ради продолжения генума, из-за чего эры назад Анимера утратила звание правящего генума Кальцеона, уступив место Белзираку. История часто циклична. Бетельгейзе тоже последняя в своем роде. Как быстро она даст слабину ради Анимеры? Генум для нее превыше Света. Еще один слабый Верховный со своими потенциальными страхами.

– Все это ложь... – зло выдала Бетельгейзе.

– Но я, в отличие от нее, эфиророжденный. Мной не управляют низменные позывы, лишь искренняя преданность Свету. Многие из вас знают меня уже много Генезисов. Мои пребывания в сомниуме длились долго, я успел застать несколько эр и десятков Верховных. Я был полководцем, я убивал темных и отдавал Свету всего себя на протяжении целой жизни. Я воевал в Тройственной гражданской войне – если бы не я, то мы бы давно потеряли не только великую префектуру Еллерак, но и многие другие. Это мои легионы крушили полные предателей Элизиумы, выиграли Зенитную и Стальную войны, отвоевывали назад Зеркальные галактики и стояли перед темной армадой у врат Люксоруса, где в одиннадцатый раз умерла моя телесная оболочка. Но теперь я хочу дать Свету намного больше. Если первый Маяк найден, то возможно отыскать и остальные. Алароном перемещается в пространстве и времени, но я отыщу этот полис. Там, в конце пути, где все началось, нас ждут силы и знания, древнее наследие, оставленное первыми звездами. Они были великими созидателями! Все знают, как много должно сохраниться в Аларонеме. Найдя колыбель самого Света, мы не только поймем больше о самих себе. Мы возвысимся над Тьмой. Не этого ли мы желаем?!

Альдебаран похолодел, увидев, как звезды согласно кивают Зербрагу, как одобрение срывается с их губ.

– С самого начала этой эры, сразу после битвы за Люксорус, Свет стал терять былое могущество. Это мрачная эра недостойности и загнанности. Тщедушные Верховные, неправильные решения вновь и вновь. Эквилибрис на грани слома. Но я клянусь, мы возвысимся. Найдя нашу исконную родину, мы вернем дэларов на место их предков, – решительно взмахнув рукой, все громче и тверже вещал эквилибрум. – Не мы начали эту Войну, но мы можем положить ей конец! Многие боятся, что это нарушит Эквилибрис, но знаете что? Вселенная не развалилась в те времена, когда дэлары были лишены всех прав. Так, может, это их судьба?

Отовсюду слышались одобрительные возгласы.

– Да!

– Именно!

– Вселенная давно показала, что у Света больше прав! Это мы делаем мир лучше, когда *они* несут одно лишь зло! Так было и так будет! – восклицал Зербраг. – Мы не просто разгро-

мим Тьму! Мы вновь лишим их сил, закуем каждую темную тварь и будем управлять ими, как и прежде! Они получают то, что заслужили! Я приведу нас к победе! Закончится череда смертей и поражений! Да здравствует будущее, полное Света!

Форум взорвался криками и аплодисментами. В ушах Альдебарана стоял оглушительный звон, сквозь который голоса скандировали имя Зербрага. Альдебаран не мог поверить в происходящее, все казалось ужасным бесконечным сном. Он мог лишь смотреть на Бетельгейзе – только она казалась настоящей среди дробящейся реальности. Тысячи взглядов были направлены в центр форума, но лишь один Альдебаран будто следил за Первым паладином. И под его пристальным взглядом она покинула этот хаос, оставив Свет торжественно чествовать своего будущего разрушителя.

Глава V

Кто старое помянет...

Собирались небыстро – намного медленнее, чем мне бы хотелось. Я даже успел подняться в оружейную – просторное помещение, полное всех тех вещей, которыми можно нашинковать врага. И всё из мерцающего серебра – одного из прочнейших металлов во Вселенной. Изощ- ряться не стал: подобрал колчан, плотно набитый различными видами стрел, да выбрал более удобный лук, втайне надеясь хотя бы раз не потерять его.

Выходя, я отвлекся на проверку кармашков рабочего пояса и, естественно, в кого-то вле- тел. Мы столкнулись лбами, я коснулся человека, на секунду ощутив сильный запах гари. Сара отшатнулась, недовольно потирая ушибленное место. От ее ледяного взгляда у меня сводило желудок – настолько пустым и холодным тот был. Я извинился и хотел было пройти дальше, но она загородила мне путь.

– Ты ведь не отступишься, – констатировала Сара с присущей ей сухостью. – Все равно пойдешь в самую преисподнюю, только бы доказать что-то.

– Мы уже решили, что я иду в «Белый луч», – с раздражением отозвался я. – К тому же у вас нет шансов без меня.

– Да, это Коул верно подметил. Но без Антареса шансов не будет ни у кого.

– Чего ты хочешь от меня?

– Просто пообещай, что не будешь лезть на рожон. Одна котловина, которую вы посетили с Фри, чего стоит. Прячься позади нас, ни с кем не заговаривай. И, во имя Света, не швыряйся эфиром Антареса направо и налево. Ты понял меня?

Она протянула толстый серебряный браслет. Это вызвало неприятные ассоциации с подарком Лэстрады, который знатно испортил мне жизнь, потому я с подозрением покосился на протекторшу.

– Я поставила на него манипуляции, – пояснила Сара. – Поллуксу вовсе не обязательно видеть признаки пребывания Антареса в твоём теле.

– Спасибо, – неуверенно пробормотал я, беря амулет.

Сара будто хотела сказать что-то еще, но отошла. Лишь когда я оказался на расстоянии десяти шагов, она бросила мне вдогонку:

– И хоть это пустая просьба, но постарайся сопротивляться Антаресу.

Я едва не остановился от ее слов. Они ножом вонзились в спину. Но ноги понесли дальше – до самого тринадцатого этажа, где располагалась дверь во внешний мир. Перед входом уже собрался неплохой отряд. Коул посудил, что раз я главный козырь, от которого и зависит успех всей нашей операции, то брать много народу бессмысленно. Протекторы бессильны против толпы заоблачников. Естественно, Змееносец решил лично повести нас в «Белый луч». То, что тут оказался Дан, не удивляло – он не упускал ни одного значительного мероприятия и ни за что не остался бы в Соларуме. Но вот присутствие Стефана стало для меня неожиданностью. Он стоял, подпирая плечом стенку и, судя по виду, шел на вылазку не по своей воле.

– Мы тебя уже ждали, – хмыкнул Дан, когда я приблизился.

Тут его взгляд зацепился за что-то позади меня, заставив обернуться. Это была Фри, но я не сразу ее узнал – удивился красным волосам. Теперь ее перекрашенные пряди резко контрастировали с темно-синей формой протектора.

– Отличный цвет, – похвалил Дан.

– Спасибо, – усмехнулась она, но тут же ожесточилась, поглядев на меня. – Ну? Почему тебя не было видно? Что за детское поведение! Посмотри на себя! На кого ты вообще похож? Пугало, а не человек!

Я насмешливо фыркнул.

– А сама-то. Зачем перекрасилась?
Фри горделиво вскинула подбородок и с важностью произнесла:
– А почему бы и нет? Светом это делать очень удобно.
– Светом?
– Ну да. – Фри пожала плечами. – Конечно, это немного опасно и все такое, но...
– А можно мне адекватного наставника? – с надеждой поинтересовался я у Коула.
За такие слова мне прилетел болезненный тычок в живот от протекторши.
– Это, между прочим, я тебя так поддерживаю! – заявила она.
Стоило Саре появиться, как все разговоры тут же оборвались.
– Хватит трепаться, – утомленно выдал Стефан, заходя в круглую залу с транзитной дверью. – Пора идти.

* * *

Мне и в тот раз город показался шумным, но теперь я осознал это в полной мере. Здесь чувствовалась жизнь, искрили эмоции, переливались десятки тысяч душ. Первый снег уже тонким слоем засыпал дороги и сверкал на полуденном солнце. Мундир согревал – он был сделан из необычного, явно неземного материала. На холоде одежда не выпускала тепло, а на жаре, наоборот, не задерживала его. К тому же ее было крайне трудно порвать – даже режущий удар лезвием порой не проходил.

Когда мы вышли из дозорного пункта, то немедленно оказались поглощены гулом и навязчивым ропотом проезжей части. «Белый луч» находился в оживленном мегаполисе. Согласен, странное место для заоблачников, но так они точно знали, что никто на них не нападет. Армия Света ни за что не стала бы подвергать приземленных опасности, а здесь – особенно в центральной части города – их было более чем достаточно. Как мне объяснили, земное отделение, совсем новое по меркам небес, открыли только в Средневековье, специально выбрав место с плотным населением.

– Зря Поллукс не послушал Лэстраду и не убрался подальше, – хмыкнула Фри, пока мы быстрым шагом продвигались к «Белому лучу». Тот по счастливому стечению обстоятельств находился не так далеко от пункта.

– Даже не знаю, удача ли это для нас, – ответил ей Коул. – Если бы ушел раньше, то и орнега не потребовалось бы спасать. Но тогда и не получилось бы допросить его об осколке Антареса.

– Жду не дожусь этого допроса, – фыркнул Стефан, который плелся позади всех, сунув руки в карманы рабочих брюк. – Так и вижу, как протекторы выбивают информацию из эквилибрума, который вполне мог бы попасть в совет префектуры Кальцеона, если бы не вел себя как последняя скотина.

Я и не заметил, как мы оказались возле «Белого луча». Не знаю точно, сколько его отделений существовало по Вселенной. Думаю, что достаточно: нужно же было заоблачникам где-то прятать свое нелегальное добро на продажу. Наверняка все отделения выглядели по-разному, но земное вызывало некоторое восхищение. Эдакая башня из камня и стекла, выполненная в странном архитектурном стиле Армии Света: массивные стены, напоминающие частокол лезвий, широкие окна, вкрапления сияющих точек. В темноте строение наверняка казалось еще величественнее. Люди явно обходили его стороной. Тут работал морок: даже если приземленные и замечали эту громадину, то тут же забывали, стоило отвести взгляд. Человечество само и намеренно выработало защитный механизм, чтобы не ввязаться в общую бойню и не думать о скрывающихся в темноте сплитах. Зачем лишний раз беспокоиться о том, с чем ты все равно не можешь самостоятельно разобраться?

Мы в нерешительности встали перед затемненными входными дверьми. Мимо нас скользили люди. Кое-кто из них бросал слепой взгляд на странную вооруженную группу молодых людей в необычной сине-серебряной форме, но тут же отворачивался. Мы все существовали в одном мире, но в разных его реалиях.

– Ну что, так и будем мяться, как страшные школьники на танцах? – поинтересовался Стеф, заставляя остальных прийти в движение.

Коул лишь кивнул и толкнул тяжелую створку дверей.

* * *

Зрение на краткий миг помутилось, я ощутил чью-то крепкую хватку на плече.

А затем низкий знакомый голос:

– Похоже, у вас, протекторов, инстинкт самосохранения совсем стерся после слияния со звездным Светом. Но это понятно, ведь мы и сами такие же.

Я сморгнул пелену и увидел слева от себя Поллукса. Во рту пересохло, голова закружилась. Я не понимал, что происходит. Только что вокруг меня находился холл здания, а теперь – пустая квадратная комната, подобная той, в которой я очнулся в прошлое свое пребывание в «Белом луче». Только сейчас руки мои были прикованы к полу светящимися цепями. Те слегка, но ощутимо жгли запястья, и при каждом движении жар усиливался.

Заоблачник сменил свой серо-белый костюм на черный сюртук, из-за которого, в сочетании с мертвецки-бледной кожей и серебряными глазами, он смотрелся бесцветным. Лишь ярко-рыжие волосы кричаще выделялись из всего облика.

Я тряхнул головой, вконец сбивая с себя туман.

– Как... как я оказался здесь? Я же был...

Эквилибрум с тяжестью вздохнул и достал из кармана круглый диск. Тот немедленно завис в воздухе, разделяясь на три зеркала. В них появилось изображение. Съемки города. Судя по всему, записи велись с отражающих поверхностей – обычно так дозорные пункты следили за населенными областями и появлением сплитов. Но тут слежка велась не за каким-то участком, а исключительно за нашим отрядом.

– Ты ведь понимаешь, протектор, – высокомерно заговорил Поллукс, когда я и остальные на записи подошли к «Белому лучу», – я знаю обо всех любопытных событиях, что происходят рядом с моим местонахождением. Даже о проходящих мимо люмен-протекторах.

Тем временем зеркала показали, как мы вошли внутрь здания, и стоило нам сделать несколько шагов, как все неожиданно остановилось. Я уж подумал, что это замерло изображение, но тут в кадре с разных сторон появились заоблачники. Лишь мы оставались недвижимы.

Он улыбнулся. Гадко, отвратительно.

– Я и не надеялся, что ты сам сюда придешь. Все прикидывал, как же тебя заманить.

– Я думал, что после нашей встречи ты решил оставить меня в покое.

– Так и было, но лишь из-за договора с Меморой. Или как там ее на самом деле звали?

– Так ты и про нее знаешь? – Я непроизвольно округлил глаза.

– Когда же ты наконец поймешь, что от меня не скрыть никакой информации? – едко усмехнулся Поллукс, но тут же очерствел, убирая зеркала. – Неужели считал, что сможешь спрятать от меня свой облик?

В его руке появился браслет, подаренный Сарой. Я с ужасом содрогнулся: он видел во мне признаки красного спектра!

Теперь Поллукс знал, где осколок Антареса.

Тот без всякого интереса оглядел амулет.

– Грубая, безвкусно сделанная манипуляция. Я главный торговец механизмами «Белого луча». Амулеты и опасные безделушки – моя жизнь и работа. И такая дырявая иллюзия меня не обманет, монструм.

Браслет со звоном отлетел в другой конец комнаты. Поллукс угрожающе навис надо мной.

– Впрочем, ты мог и не стараться. Я уже давно знаю, кто ты и что натворил. Та орнега, с которой ты сговорился, очень долго не хотела отвечать на вопросы. Хотя я задавал их максимально четко. Самыми разными способами. Но даже это было не так важно, ведь про твое состояние монструма нам слила Мемора еще в Аргентионе.

Мои кулаки крепко сжались, и по запястьям прошелся сильный жар от наручников.

– Что ты с ней сделал? – сердито спросил я.

Эквилибрум держался крайне холодно, но я чувствовал, как внутри него бурлит гневный огонь.

– Где разум Антареса, протектор? – жестко спросил тот. – Я знаю, что вы с орнега его искали. Могу судить по произошедшему в Соларуме, что ты его таки нашел. Осколок все еще здесь, на Терре. И я получу его.

Тут Поллукс нагнулся и ткнул меня пальцем в грудь.

– И тот, который ты у меня украл. Расскажешь, как и зачем запихал в себя Непогасимого?

– Где ты его взял? – спросил я. – Его считали мертвым пять тысяч Генезисов, и лишь ты смог найти часть Антареса.

Сначала Поллукс не двигался, будто обдумывал мои слова, но затем вытащил из-за пояса длинный стальной стержень, от вида которого у меня в животе похолодело. Заоблачник щелкнул орудием, и с одной его стороны пошли темные потоки, напоминавшие дымные нити, устремленные вверх.

– Не люблю марать душу, – сообщил он. – Но для тебя сделаю исключение.

– Не подходи, – предостерег я, отступая на шаг.

– Спрашиваю еще раз: где его разум?

Не дождавшись ответа, эквилибрум решительно шагнул вперед. Цепь не позволила мне отпрянуть, и удар был нанесен точно в шею. Перед глазами поплыли темные круги от яростной боли, прокатившейся по мышцам. Я стиснул челюсти, чтобы не закричать, но тяжелый хрип все равно вырвался.

Как только звон в ушах спал, я услышал ленивые рассуждения Поллукса:

– Но я все не могу взять в толк: ради чего вы решили прийти сюда? Неужели за орнега?

Новая порция черни припала в плечо. Заряд отлично чувствовался даже через ткань мундира. Меня тряхнуло, но жар наручников казался практически незаметным на фоне наполнившей тело боли.

– Где осколок? Что ты с ним сделал?

Я поднял сердитый взгляд на заоблачника. Гнев наконец-то проступил в его глазах, словно серебро раскалилось от жара.

– Ответ тебе не понравится.

– А ты попробуй.

Он приблизился, при этом крепко схватив меня за ладканы свободной рукой. Я всмотрелся в его выразительное лицо. Слегка сторбленный нос, глубокий шрам на правой стороне и полные гнева глаза. Они лучше всего показывали состояние его души, которая искрила неподдельным бешенством, но на миг – на самый краткий миг – я уловил и опасение. Явно не за свою жизнь – но тогда за что? Что могло вызвать страх у отступника, который никогда не боялся идти против целой Армии Света?

– Где он? – вновь надавил заоблачник.

– Кому ты хочешь продать его разум? – выдавил я.

Поллукс нанес новую атаку по позвоночнику, и она оказалась намного больнее, чем прошлые. Я закричал и упал на пол. Даже когда боль отступила, меня продолжало трясти и жар растапливал кожу. В голове помутилось.

Заоблачник безжалостно навис надо мной.

– Естественно, ты не погибнешь. Последнее, чего я хочу, – сгубить часть Антареса. Но вот твои спутники не имеют никакой ценности, – сухо произнес он. – Их здесь и без того больше, чем нужно. Интересно, конечно, складывается, опять мы в той же ситуации, что и в прошлый раз. Ирония. Их жизни и даже твоя – ничто в сравнении с Антаресом. Даже я мелочь рядом с ним. А потому я верну его, чего бы мне это ни стоило. Осколок может находиться только здесь. Он может принадлежать только мне.

Он вновь замахнулся, но я успел перехватить его руку. Моя ладонь заливалась красным светозарным огнем, обжигая кожу заоблачника. Поллукс выронил стержень от боли. Я же увидел его душу: над головой висело черное солнце, окольцованное оранжевой короной света. Вечное затмение. А под ним, в каменистой земле, был глубокий овраг, доверху заполненный сломанными механизмами из стали и стекла. Они пытались работать, выполнять свое предназначение, но не могли. Лишь беспомощно гудели, шелкали и выплевывали искры. По трещинам в камне текла лава, почему-то алая. Она медленно стекала в овраг, пытаясь расплавить покореженную сталь, но та с шипением не давалась. Прямо у моих ног оказался Центр души – большая и погнутая птичья клетка с красным кубическим узором на прутьях. Заметив открытую дверцу, я вскинул голову к затмению и увидел на его фоне кружащую птицу – серебряную и механическую.

– Что... – потрясенно выдавил Поллукс.

– Как ты смеешь... – свирепо прорычал я, ощутив чужое присутствие. – *Как ты смеешь?!*

Заоблачник попытался вырваться, но моя хватка стала непривычно крепкой. Словно удерживал не я, а кто-то другой, более сильный.

А огонь тем временем скользил по венам.

– *Твоя собственность?!* – вырывалось из меня. – *Как ты смеешь говорить такое обо мне, Опаленный?!*

Поллукса пронзило понимание. Тогда-то я впервые увидел в нем подлинный страх.

– Антарес?..

Моя свободная рука сама собой потянулась к запястью другой, коснувшись наручников. Светозарный огонь в какие-то мгновения раскалил их докрасна, и я смог просто разорвать металл. Это было на удивление просто.

– *Давно не виделась, Поллукс,* – процедил он.

Смысла скрываться больше не было.

Одним резким движением он отшвырнул Поллукса к стене. Тот поднялся и потрясенно взглянул на свою обожженную руку. Стоило ему отвлечься, как я сорвал оковы со второго запястья и стрелой ринулся к нему.

Поллукс хотел было отразить мою атаку, ладонь уже налилась оранжевым огнем, но я отбил ее, а затем схватил заоблачника за голову и со всей силы впечатал в стену. От такого удара человеческий череп раскололся бы на сотни кусков. По поверхности пробежали редкие трещины. Перед глазами стояло затмение души Поллукса. Комната наполнилась нестерпимым жаром, словно где-то разверзлась дверь в полыхающий ад. Красный свет исходил от меня и между тем лился отовсюду. Вены на теле наполнились алым огнем. Я слышал треск стен, камня; все дрожало и гремело.

– Успокойся! – воскликнул Поллукс.

– *С чего бы?* – поинтересовался Антарес. – *Ты ведь не смог себя сдержат!*

Он лишь сильнее вдавил Поллукса в стену. Казалось, еще немного – и у того сломается челюсть. Позади грохотнул взрыв.

– Ты не в себе! – с трудом выпалил Поллукс. От него несло жареным, скула покрывалась красными искрами и черной копотью. Он жмурился от зверской боли. – Ты долго не был в сознании!

– *Да, но теперь я прекрасно все воспринимаю, и то, что я вижу, мне не нравится.*

– Я лишь следовал твоим приказам! – озлобленно рывкнул Поллукс. – Антарес, ты раздроблен! Соберись!

Я ощутил, как Антарес заметался. Он вдруг понял: что-то пошло совсем не так. Неправильно, не по плану.

– Вспомни уже! – закричал Поллукс, которому Антарес продолжал прижигать скулу.

И тут я увидел образы, вырвавшиеся из осколка Верховного. Краткие размытые картинки. И слова, которые звучали в моей памяти уже не первый раз.

Это было давно. То оказался Поллукс, но он выглядел каким-то другим. Меньше жесткости во взгляде. Он держал в руках алую сферу.

Я услышал голос, который, как теперь стало ясно, принадлежал Антаресу.

– *Сделай это ценой жизни.*

Поллукс пораженно качнул головой и с трудом оторвал глаза от сферы, переводя их на меня. Он будто уверился в моем безумии.

– *Без этого, – он тряхнул сферой с осколком Антареса, – нельзя жить.*

– *Тогда мы все умрем. Но пожертвовать собой кто-то должен.*

В комнате похолодало, сияние померкло. Я резко убрал руку от Поллукса, и тот грохнулся на пол, держась за обожженную щеку. На его левой скуле проступила серебряная кровь. Я потрясенно уставился на свои ладони. Свет в них не исчез, но спал. С Антаресом что-то происходило. Он будто поразился собственным воспоминаниям, оттого и сник. Я помнил, как же плохо мне было, когда сам вспоминал прошлое, потому не мог винить Верховного за минутную слабость. В конце концов, тот был не в себе намного дольше моего.

Меня обдало ветром, удушливо воняющим гарью. Огонь Антареса уничтожил не только ближайшие комнаты, но и стену позади, открыв хороший обзор на город.

– Так ты не крал и не находил осколок? – пораженно выдохнул я. – Он сам отдал его тебе.

– «Он»? – прошипел Поллукс, морщась на левый глаз.

Я кивнул.

– Когда это произошло? После битвы за Люксорус?

Поллукс поднялся. Ожог на левой стороне лица был замечен, но не опасен. Лишь до черноты закоптился в паре мест, для заоблачников это все равно что царапина.

– Антарес ведь выжил после той битвы? – не унимался я. – Не умер, это мы теперь точно знаем. Но и не был раздроблен. Антарес распался уже после, и не из-за внешних факторов, а по собственному желанию.

Поллукс долго и с тяжестью смотрел на меня. Без всякой злобы. Лишь с усталостью. Будто я только что снял неподъемный груз, который он влачил на себе веками.

– Он был жив, когда я нашел его здесь, на Терре, – подтвердил заоблачник.

– Но зачем Антарес отдал тебе свой осколок? – не понимал я.

– Для охраны. Он знал, что «Белый луч» – лучшее и самое безопасное место для хранения.

– Ты преступник! Он не мог просто так отдать тебе часть себя! – разозлился я.

– Но так оно и было, – ожесточившись, сказал эквилибрум. – На тот момент он уже где-то потерял один из своих осколков и был только при двух. Антарес отдал мне второй, а затем, имея внутри себя лишь разум, исчез.

Глава VI

Давние связи

Эквилибрумы встречались нам на пути и с удивлением косились на ранение Поллукса, но вопросов не задавали. Он невозмутимо пересекал пространство, а я молчаливо следовал за ним. Чем сильнее душа, тем быстрее регенерация – след на лице звезды затягивался. Поллукс заверил, что с остальными протекторами все хорошо. Я не стал требовать, чтоб их тут же освободили. Некоторые могли начать ругаться и перечить, тем самым мешая мне во всем разобраться.

«Так ты действительно в сознании вышел из той битвы за Люксорус», – как бы между прочим начал я разговор, раз уж Антарес решил проявить себя.

Я ощущал присутствие Верховного как биение собственного сердца. От его осколка исходило напряжение, которым пропиталась наша общая душа.

Каждое его слово пронизывало разум:

«Да. Только я мало помню».

«Как так?» – удивился я.

«Большая часть воспоминаний об этом осталась в остальных осколках, да и сейчас я лишь продолжаю восстанавливать свое прошлое. Я был запечатан слишком долго», – спокойно пояснил он.

«И сколько же еще займет восстановление? Те воспоминания могут помочь нам понять, где искать твой третий осколок и оболочку. Она вообще еще существует или ты и ее уничтожил?»

«Кто знает. Где-то да должна быть».

Кинув в меня несурзным намеком, он поспешил оборвать разговор. Поллукс как раз подвел меня к транзитному кругу. Мы ступили на него и тут же оказались в другом коридоре, более темном и узком. В стенах горели сотни маленьких лампочек, пол оказался обшит сталью. Откуда-то раздавалось глухое постукивание.

– Значит, наш могучий Верховный не всегда имеет контроль над твоей оболочкой, – как бы невзначай обронил Поллукс.

– Нет, но он прекрасно слышит тебя, – ответил я, решаясь на вопрос, который волновал меня долгое время. – Так это действительно орнега похитила осколок?

– Да. Он пропал незадолго до того, как состоялась наша с тобой первая встреча. Из-за кражи мне и пришлось спуститься на эту неладную планету.

Значит, орнега оставила осколок мне на хранение. Звучало логично, ведь между «Белым лучом» и Соларумом существовала договоренность, и вряд ли бы Поллукс начал сразу приглядываться к протекторам. Возможно, все прошло бы как по маслу, если бы падшие не вступили в игру. В тот же вечер я бы просто встретился с орнега, чтобы вместе с ней проверить свою догадку насчет Усыпальницы. Тогда бы у нас на руках оказался еще и разум, а Антарес не стал бы в меня вселяться. Но каков был наш дальнейший план? Не будь падших, по нашим следам пошел бы Поллукс, а Лэстрада следила бы за нами как стервятник. Мы бы просто искали третий осколок? Или все было бы труднее? В любом случае я верил, что план имелся. И орнега наверняка расскажет о нем после спасения из «Белого луча». А еще мне требовалось знать, как и зачем я вообще вступил в такую игру. Необученный протектор с подвеской, полной разрушительного светозарного огня Антареса, и опальная орнега. Почему мы оказались на этом пути?

Поллукс остановился и спросил напрямик:

– Во имя всего светлого, где ты нашел разум Антареса?

– Где – не так важно, – процедил я.

– Но ты слился с ним. А до этого был слит с обычным осколком. Поглоти тебя Обливион, как ты вообще сумел это повернуть, будучи мелким приземленным?

– Оно как-то само вышло. По его желанию. А ты не знал, что Антарес лишился своей оболочки?

– Я тебе уже сказал, что не видел его с того момента, как он отдал мне свой осколок, – фыркнул он.

– И как давно это было?

– Даже Гenezиса не прошло.

Я поразился услышанному.

– Гenezис по-нашему – где-то тринадцать тысяч лет. Хочешь сказать, что на этой планете уже были приземленные?

В ответ Поллукс вздохнул и лениво взмахнул ладонью.

– Да, вы уже тогда спустились с деревьев и начали изводить окружающий мир, при этом привлекая внимание сплитов.

Я растерянно заскользил глазами по матовым стенам. Казалось, здешний отдающий металлом воздух душил.

– Пять тысяч Гenezисов... Антарес был в сознании и скрывался?

Поллукс прищурился и продолжил путь, горделиво выпрямив спину.

– Вряд ли он все это время пробыл в полноценном сознательном состоянии. И вообще, я его не осуждаю. Быть частью Армии Света – тяжелое бремя. Сражайся, подыхай в грязи! Снова, и снова, и снова, пока твое хранилище эфира не иссякнет. И ведь никто не скажет спасибо за верную службу и не спросит: а хочешь ли ты вообще сражаться? Может, кто-то пацифист?

– Ты, что ли, пацифист? – буркнул я, следуя за ним.

– Когда никто не переходит мне дорогу, то более чем.

– Но что Верховный делал на Земле?

– Откуда мне знать? Он не сказал. Может, решил пожить тут, не мое это дело.

– А с чего он вообще тебе доверился? Репутация у тебя, как бы помягче сказать... Отвратительная.

Заоблачник саркастично рассмеялся.

– Может, я ему нравлюсь? А возможно, общее прошлое пробудило в нем старую веру. Кто знает, что там у расколотого на уме, а я бы и сам себе не доверился.

– Вы были знакомы до всего этого? Самый почитаемый светлый и контрабандист?

– Поверь, было бы время, и я бы рассказал с пару десятков историй с непосредственным участием Антареса из времен до его правления, о которых наш добропорядочный Верховный наверняка хотел бы забыть и еще заплатил бы мне, чтобы я стер воспоминания о них из своей души, – хмыкнул он. – Тем не менее, может, ты хотя бы теперь скажешь, что с тем осколком, который я охранял? Мне станет немного легче на душе.

Переборов некоторые сомнения, я все же решил, что теперь можно вскрыть и другие карты, потому рассказал Поллуксу о своих злоключениях. Как только я договорил о Лэстраде, он с презрением поморщился.

– Не удивлен, что вы ей доверились. Приземленные – крайне отсталый и глупый вид.

– Может, потому я и веду сейчас с тобой дело, – поморщился я. – Ты б собственную мать продал.

– Насчет матери – вполне возможно. Но я не враг Антаресу. Другим – может быть, но он единственный, кто действительно знал, что делает, и вел Вселенную хоть к какой-то стабильности. Перечить его воле не намерен.

– И ты совсем не хотел продавать его осколок? – скептически спросил я.

Поллукс подвел меня к новой двери, оказавшейся сплошной стеной. Он приложил руку к начертанной на ней манипуляции, и та вспыхнула.

– Я подпольный торговец, а не разрушитель Вселенной, – грубо ответил эквilibrium, когда стена начала растворяться пылью. – Если бы я продал кому-нибудь Антареса, то, возможно, через некоторое время мне и торговать было бы не с кем.

Мы вышли на обзорную площадку. Внизу находилось гигантское помещение, заставленное огромными ящиками, помеченными светящейся эмблемой предприятия – черная планета в сияющем ореоле, у которого сильно выделялся один длинный луч.

– Что в них? – Я кивнул на ящики.

– Это строго конфиденциально, – холодно ответил заоблачник, ведя меня дальше по площадке. – Но Магистрат Света точно кинул бы меня в Червоточину за содержимое пары-тройки контейнеров с этого этажа.

– А та орнега? Она точно здесь? Тебе придется выдать мне ее. – Я решительно поймал его взгляд. – Она нужна мне и Антаресу. Она поможет вернуть его к жизни.

– Орнега? – в его тоне проскочило негодование. – Это бестолковая раса, разве что приземленных по силе переплюнула! И именно эта предательница знала что-то об Антаресе?

– Она и предала тебя, потому что знала о нем.

Казалось, происходящее его крайне уязвляло.

– Меня не покидает одна мысль, протектор. Если Антарес добровольно раздробил себя, то тому была веская причина. На мой взгляд, уж лучше смерть. Когда начинаешь дробить душу, то почти невозможно избежать раскола. Разум тускнеет, оболочка видоизменяется, становится монструмом. Антаресу же каким-то чудом удавалось долгое время сохранять рассудок благодаря силе своего эфира. Но раз он пошел на такой безумный шаг, то зачем ему так внезапно возвращаться? Что послужило толчком для смены курса?

Я даже замедлился. И действительно: с чего мне вдруг пришло в голову, что Антарес хочет вновь собрать себя воедино?

– Он нужен всем нам, – коротко, но уверенно ответил я. – Нужен Свету и Вселенной.

Поллукс смерил меня пронизательным взглядом, под которым я почувствовал себя неуютно.

– Я с недоверием отношусь к тому, что какая-то орнега и уж тем более приземленный смогли отыскать разум Верховного, – бросил он. – Но раз Антарес хочет того, я отпущу ее. Лишь бы все побыстрее закончилось, чтобы я смог убраться с этой грязной планеты и больше ни о чем не беспокоиться.

Мне не нравились двери, встречающиеся на пути, – тяжелые, будто непробиваемые, с маленьким стеклянным окошком для наблюдения.

Тут возле одной из них появились несколько фигур в черно-коричневой форме. Два красноглазых планетара. А еще звезда. Нижнюю часть лица скрывал воротник, но я все равно узнал ее. Завидев меня, она гневно вытаращилась.

– Что ты здесь делаешь?! – прорычала Тараре.

Поллукс взмахом руки призвал ее к спокойствию. Стражники вытянулись. Тараре покосилась на заживающее увечье Поллукса.

– Луц, откуда это у вас? – оторопела она.

– Последствия дипломатии, – ответил он и кивнул на дверь. – Мне нужно, чтобы вы освободили ее.

– Предательницу? – Тараре снова округлила глаза. – Но это невозможно!

Зрочки Поллукса полыхнули.

– Ты снова вздумала мне перечить, Тараре? Я предупреждал тебя на этот счет! Еще одно неповиновение – и Червоточина покажется тебе сказочным местом! Если я сказал, что пленница должна быть освобождена, то приказ обязан выполняться беспрекословно и немедленно, иначе ты последуешь за остальными нарушителями субординации.

Во взоре звезды отразился неподдельный трепет, но она все равно сомневалась, переминаясь с ноги на ногу.

– Да, я все понимаю, но... это сложно... вы же...

– Я – что? – с раздражением осведомился он.

Она собрала свое разбитое мужество и отточенно выдала, словно отчет:

– После отлова преступницы вы приказали подвергнуть ее допросу, что мы и сделали. Вы и сами принимали в этом непосредственное участие. Нужная нам информация была получена. Вы сказали, что протектор расколется насчет остального гораздо быстрее, чем орнега. По плану мы должны были подвергнуть ее манипуляции Обливiona, как только он, – она указала на меня, – окажется у вас в руках.

Я похолодел. Затаив дыхание, оглянулся на Поллукса и увидел, что тот не может выдавить и слова – то ли от удивления, то ли от злобы. Спустя несколько секунд он сдавленно спросил:

– И вы уже успели выполнить манипуляцию, да?

– Протектор появился в пределах «Белого луча». Мы поступили согласно протоколу. Вы сами постоянно напоминаете, что он должен выполняться без задержек. Процесс запущен.

Поллукс стиснул челюсти, явно силясь не распалиться. Он указал на дверь и приказал:

– Открывайте. – Но, как только стражники замешкались, рявкнул: – Сейчас же!

Сердце стучало в горле. Чувства наслаивались одно на другое, я не мог поверить в происходящее. Одна часть меня хотела броситься на стражей и прожечь их светозарным огнем, но другая желала кинуться в камеру и посмотреть в лицо той, что сопровождала меня в поисках Антареса. И оба этих чувства принадлежали исключительно мне – Верховный лишь наблюдал за происходящим из-за своей безмолвной перегородки.

Внутри помещения стояла непроглядная темнота, но стоило мне сделать шаг, как на потолке загорелся фонарь-солнце, озарив неприятного вида комнату. Лицо обдало холодом. В самом мрачном углу помещения находилась жесткая лежанка, состоявшая из единого каменного блока. Там виднелось тело – съезжившееся, худое. Неподвижное.

Я медленно приблизился. Дрожащей рукой коснулся плеча орнега и повернул ее к себе.

– Не думал, что так выйдет, – глухо произнес Поллукс. – Ей осталось немного. Может, один оборот Терры, может, два.

– Как это остановить? – хрипло спросил я, не отрывая потрясенного взгляда от орнега.

Я знал ее. Пускай светло-пепельное лицо с серыми пятнами и было покрыто синяками и следами от мглистой черни, но оно казалось знакомым. Заплетенные в растрепанную косу волосы имели цвет снега с отливом серебра. Орнега была облачена в форму «Белого луча» и могла показаться мертвой, если бы не с трудом вздымающаяся грудь. Заоблачница выглядела слабой, забитой. Из-под широкого расстегнутого ворота выглядывала шея, на которой, словно проклятой меткой, проступали окрасившиеся в неестественный зеленый цвет вены.

– Это не остановить, – ответил Поллукс с неумолимой прямолинейностью. – По крайней мере, на этой планете не найти способа обратить процесс.

– Но должен же быть выход! – в ярости воскликнул я. – Это вы с ней сделали!

Поллукс оставался холодным и твердым, как сталь.

– Я отпускаю ее с вами, а дальше это не мои проблемы. Решайте сами, что с ней делать. И лучше бы вам поторопиться, иначе душу Луны постигнет Обливion.

Глава VII

Единственный выход

В каждой жилой комнате Соларума можно найти прямоугольную настенную панель от пола до потолка. В обычное время она казалась простым зеркалом, но при желании через нее можно было изучать информацию, разворачивать световые проекции, смотреть фильмы, да и в принципе делать все, что душа пожелает. Но имелось у нее и еще одно уникальное свойство – панель отчасти была «коридором отражений» и давала просматривать заранее помещенные в нее слои воспоминаний.

Я сидел на полу, откинувшись спиной на кровать. Те воспоминания, которые пришли ко мне с возвращением осколка души, отнятого падшими, в последние дни особенно давили. Я до сих пор в них не разобрался. Они открывались не сразу и хаотично. Вчера ночью вспомнилось одно, и по возвращении из «Белого луча» мне вдруг захотелось увидеть воспоминание своими глазами.

Там было холодно и темно, лишь фонари озаряли теплым золотистым светом сугробы и падающий снег. Множество людей бродили по парку. Они развлекались, смеялись. На тротуарах стояли лотки с яркими безделушками, чаем, пирогами и яблоками в карамели. Играла музыка, раздавались голоса и песни. Площадь с праздничной елкой была наводнена людьми.

Все показывалось моими глазами. Я шел с родителями между усыпанных снегом деревьев, ветви которых покрывали гирлянды и ледяная корка. Мне было лет шесть.

– *Макс, не убегай!* – окликнула мать, и я обернулся к ней.

Снег припорошил ее куртку и волосы.

– *Мы опоздаем!* – воскликнул я, подбегая к родителям.

– *Тут везде будет видно,* – заверил отец.

– *Но там все равно лучше!* – Я схватил его за руку и упорно потащил вперед, в толпу.

Он сначала упирался, но затем внезапно подхватил меня и со смехом понес в желанную сторону. Я стал вырываться, отец поскользнулся, и мы вместе рухнули на дорогу.

Мама заворчала, но он добродушно отмахнулся, вытащил меня из снега и стал отряхивать.

– *И похуже с холодом бывало,* – сказал отец, лукаво глядя на меня. – *Вот видел бы ты, что происходило в Гренландии!*

Я с восхищением вцепился в отца.

– *И что там было?*

– *Дома расскажу,* – улыбнулся он. – *Как раз успею перед отъездом.*

– *Ты снова уезжаешь?* – огорчился я.

Толпа сгущалась, но вся окружавшая нас яркость казалась блеклой по сравнению с огнем, жившим в глазах отца.

– *На пару дней,* – заверил тот. – *А потом месяц буду с вами. Обещаю.*

– Это твой отец? – раздалось со стороны.

Я обернулся. В приоткрытой двери стояла Сара. Подобно мне, протекторша где-то сложила свой мундир, оставшись лишь в рабочих брюках и белой рубашке. Сара без всякого интереса смотрела на запись памяти.

– Вы с ним поразительно похожи, – констатировала она.

Ее появление меня почти не смутило. Я знал, что Сара никак не отреагирует – не посмеется и не осудит. В каком-то плане она воспринималась мною как предмет мебели, потому как имела схожий эмоциональный спектр.

– Да, многие так говорят, – ответил я, возвращаясь к экрану. Там маленький я продолжал тянуть родителей в гущу людей.

– Вы были близки?

Я пожал плечами.

– Мне хочется думать, что да. Я помню лишь обрывки из детства, но отец редко проводил с нами время. В памяти остались его наставления, его поддержка. Вот только рядом его все не было. Он же работал адъютантом в Соларуме, вечно в охотах, оставляя нас с мамой одних. Думаю, поэтому я так легко поверил в его уход. Что он бросил меня и маму. – Я неуверенно посмотрел в пол. – Из-за его постоянного отсутствия возненавидеть отца оказалось просто.

Тут я вспомнил, с кем говорю, и собрался.

– Есть новости?

Неожиданно для меня Сара села рядом и присоединилась к просмотру.

– Мы обсудили ситуацию Луны и решили, что крайне важно не дать ее душе потерпеть Обливион, – сказала она. – Хорошая новость в том, что при такой манипуляции воспоминания стираются не постепенно, а разом, на самом последнем этапе.

– И уже есть идеи, как обратить манипуляцию?

Сара отрешенно крутила серебряное кольцо на большом пальце. Она делала это всякий раз, когда оказывалась в сложной ситуации, – то была одна из редких сильных реакций на происходящее, которые я за ней замечал.

– Это запрещенный тип манипуляций, как и большая часть всего, что связано с Обливионом. Такие снимаются крайне тяжело. Но нам необходимо спасти Луну, чтобы она рассказала все, что знает.

– Если знает.

Когда мы несли орнега в Соларум, я проверил ее душу, но из-за манипуляции в ней стоял такой хаос, что никакой толковой информации собрать не удалось.

– Ей точно что-то известно, – с уверенностью заявила Сара. – А сейчас любые, даже самые незначительные сведения ценны как никогда.

Я кивнул, все еще не зная, что и думать. Оказалось, все это время мне помогал не кто-нибудь, а Луна. Та самая Луна, что сияет в наших небесах. Та, кого я записывал как «Лу». И теперь она была на грани смерти, потому что защищала меня и Антареса. Я отчаянно хотел вспомнить о ней все подробности, но Лэстрада уничтожила почти все мои воспоминания о Луне. Потому я не мог позволить ей погибнуть. Мне было необходимо узнать ее заново.

Комнату наполнили громкие голоса, что отсчитывали оставшиеся секунды уходящего года. А затем послышались радостные возгласы, и черное небо на экране осветилось шквалом фейерверков. Все они озаряли парк и собравшихся в нем людей, которые заслоняли маленькому мне почти весь обзор.

– Через двадцать минут будет собрание с манипуляционным отделом. – Сара повернулась ко мне. – Весы сказал, у него что-то есть. Ты будешь присутствовать?

– Теперь ты держишь меня за полноправного участника операций?

– Я по-прежнему считаю, что тебе следует держаться подальше от опасностей, – напрямик пояснила протекторша. – Но тебя нельзя игнорировать. На встрече с Поллуксом ты повел себя слишком вольно и неосмотрительно. Но именно поэтому мы сейчас здесь, а не подвергаемся пыткам в «Белом луче».

На панели отец вновь поднял меня над землей и посадил себе на шею. Теперь я видел все: парк, деревья, десятки людей, чьи лица были устремлены в разрываемое фейерверками небо. Снег падал, огоньки брызгали во все стороны. Я же просто радовался тому, что наша семья, пусть и на краткое время, снова была вместе.

Но то время уже давно прошло.

– Я кое-что нашел.

Подойдя к панели, я отключил воспоминание и стал рыться в накопленной информации. Там обнаружилось очень мало – в основном данные из инфор, фотоснимки для обучения и

прочая чушь, которую я заносил сюда, чтобы не забыть. Но вот один файл привлек мое внимание. Я развернул его световой проекцией, и та зависла над полом, отливая красным сиянием. Она была похожа на одно большое трехмерное созвездие – кучу связанных лучами точек.

– Каждая из этих заметок – информация, – сообщил я, уперев руки в бока и мрачно разглядывая файл. – Об Антаресе. Я собирал ее до потери осколка.

Сара встала.

– Звезды, ты что, Третью мировую продумывал?

Неужели это была попытка пошутить?

– Поллукс сообщил, что Антарес после Люксоруса не распался сразу. Он все это время находился где-то в сознании. А потом развалился на части до конца.

Я коснулся одной из точек, и та превратилась в четыре объекта – три круглых осколка и обозначение телесной оболочки Антареса.

– Мы до сих пор не знаем местоположение третьего осколка и оболочки, – продолжал я, показывая на последние – те сияли очень тускло. – Смотри. Оболочка заоблачников разлагается как человеческая только при условии, что покинувшая ее душа навсегда отправилась по дальнейшему пути. Но! Если душа все еще находится где-то во Вселенной, хотя бы частично, то и тело живо. А это наш случай. Значит, есть шанс, что Антарес где-то да найдется.

Дальше последовали несколько точек, в которых содержалась информация о «Белом луче»: подробный план здания, как и где хранился красный спектр. Данные явно краденые и секретные; я не сомневался, что их мне отдала Луна.

– И ты сам пытался выяснить их местоположение. – Сара с прищуром разглядывала проекцию.

– Не сам. С Луной, – поправил я, касаясь следующих точек, в которых содержалась вся доступная информация о битве за Люксорус. – Она помогала мне во всем этом. Правда, пока плохо представляю, как именно. Но знаешь, что меня особенно беспокоит?

Сара молчала в ожидании продолжения. Я вывел еще один элемент проекции.

– Мы только говорим, что Генезис равен тринадцати тысячам наших лет, но ведь это просто округление для нас самих, оно колеблется. То есть битва за Люксорус произошла где-то шестьдесят с чем-то миллионов лет назад? Для заоблачников это как человеческая пара десятков лет потраченной жизни. Для нас же офигеть какой огромный срок. К тому же, учитывая, насколько различны наши миры, этот период может колебаться сильнее, если взять во внимание теорию временных горизонтов, от которой у меня лично кипят мозги.

Перед нами уже витала другая статья с графиками, картинками и текстом. Даже появилось небольшое трехмерное изображение Земли, какой она была при битве за Люксорус.

– Срок примерно подходит. – Сара хмурила брови, считывая текст. Такие крохи удивления она проявляла редко.

– Мел-палеогеновое вымирание – одно из самых больших на Земле, – изрек я, глядя на изображение земного шара. – Вымерло почти восемьдесят процентов видов. Насекомые, животные, морская фауна. И динозавры, да. Основная версия этой катастрофы – падение огромного метеорита. Но мы-то знаем, что экваториумы не сражаются на поверхностях населенных планет, чтобы не уничтожить все живое. Их стычки намного хуже метеорита. И нам известно, кто из заоблачников мог единолично принести такой ущерб планете сразу или вскоре после битвы за Люксорус.

– Антарес, – выдохнула Сара. – Он был здесь. Никто не догадался искать Верховного на формирующейся планете. И если тогда он находился тут, а затем дал знать о себе Поллуксу, может выйти, что...

– Что все эти пять тысяч Генезисов Антарес провел здесь, на Земле.

Она потупила взгляд в раздумьях. Зря я ждал бурной реакции.

– Такая теория имеет место быть. Но пока оставим ее на будущее, – произнесла протекторша.

Вскоре Сара ушла, чтобы поговорить с Коулом, а я, понурив голову, свернул графики. Все казалось теперь неподъемным. Я даже не думал, что так устал. А новые открытия положения не улучшали.

Меня отвлекла тишина, прессом давящая на уши. От нее по спине побежали мурашки. Я рефлекторно вздрогнул и повернулся к экрану. Там густела чернота нашего дома. Похоже, я еще плохо умел срезать слои воспоминаний и, помимо Нового года, изъяс и что-то другое.

И как только в гостиной, где стоял я из прошлого, раздался тихий плач мамы, все стало сразу понятно.

Я помнил это. Плохо, но достаточно, чтобы в голове всплыла полнившая меня тогда злоба.

Мамино горе вязко сочилось сквозь стены, из-за этого я и проснулся. Уловил эмоции. Мне тогда было всего лет четырнадцать, совсем немного прошло с пропажи отца. Мы думали, что он бросил нас, не просто умер, а пренебрег. Мама все еще отходила, а я уже ненавидел его, каждое проявление отцовских черт в себе и каждый отпечаток в доме.

Я вошел в кабинет отца, стал сбрасывать в мешок рамки с фотографиями, какие попадутся. Звенело стекло. Отец продолжал портить нам жизнь даже спустя столько времени. Мне хотелось уничтожить все, что он нам оставил, испарить память о нем. Поэтому я полез в шкаф, где лежали его рисунки. Половина оказалась в мешке, другая – в свободной руке. Я спустился на улицу, завернул за дом, прямо к мусорке. И разжег огонь. Стоял там, смотрел, как сворачивается и чернеет бумага, а отцовские труды и память о нем пеплом разлетаются по ветру.

Глядя на это сейчас, я ощутил, как пересохло в горле. Мне стало совестно за этот мелкий подростковый бунт. Тогда я думал, что отец всегда находился на работе, потому что мы не были ему нужны, а ушел, потому что не любил. А он просто умер, работая на чертов Соларум. Все те годы, что я его проклинал, он уже был на дальнейшем пути. И случилось это потому, что он хотел нас защитить.

* * *

В Манипуляционной собралось человек десять. Мы находились в одной из маленьких комнаток, располагавшихся за стенами основного зала. Запах стоял какой-то кислый, медицинский. Из большого помещения доносился настойчивый стук приборов. Над головами с треском вились сгустки желтых искр, напоминающих бенгальские огни. Большинство спокойно болтались в воздухе, но некоторые подбирались к нам на неприятно близкое расстояние. Один как раз сбил со стола сосуд, но никто не обратил внимания. Фри пояснила, что это новые разработки техотдела, которые дорабатываются при помощи Манипуляционной. Вероятнее всего, огни являлись оружием против сплитов, но так как оно было непроверенным, оставалась вероятность, что образцы могли нехило отыгаться и на людях. Потому я разумно предпочел держаться от них подальше.

Орнега лежала на специальном столе. Были развернуты световые панели – на некоторых из них обозначались манипуляции, которые немного, но сдерживали ее недуг. Зеленая дрянь расплзалась от грудины и уже достигла плеч и подбородка. Как только она распространится по всему телу – душа Луны потерпит Обливион. Сама по себе заоблачица стала выглядеть еще хуже, хоть ей и залечили следы побоев. Она почти не дышала, была холоднее льда и не двигалась.

– Скверная ситуация, очень скверная, – причитал Тисус, расхаживая рядом с Луной.

Как для протектора была привычна сине-серебряная форма, так для Тисуса – главы манипуляционного отдела – обычным делом были растянутый линялый свитер, покрытый разно-

образными пятнами неизвестного происхождения, и широкие солнечные очки. Кожа его, возможно, когда-то была смуглой, но сейчас больше напоминала пепел: у протектора под знаком Весов она казалась тонкой, с проступающими венами. Лицо худое и осунувшееся, утомленное, а темные волосы свалившиеся и сальные. Он выглядел хилым, даже чересчур. Столкни его в драке с комариком, и я, наверное, поставил бы на насекомое. Тисус давно запустил себя и сильнее других по поведению походил на деда, хоть его оболочке можно было дать не больше тридцати лет.

Он ссутулился и не переставал медленно нарезать круги возле Луны.

– Поганный Поллукс, – ворчал он. – Сначала стреляет, потом спрашивает. Я уже давно говорил, что нужно прогнать всю эту свору прочь с Земли!

– Да, мы все запоминаем каждое твое слово, – произнес Дан. Он с недовольством смотрел на Тисуса. – Только ничего дельного от тебя не дождешься.

– Тебя что-то не устраивает? – с вызовом осведомился протектор.

– Нет, мне просто не нравится твое гундение, – напрямик ответил Дан.

– А я и не золотая монета, чтобы кому-то нравиться, сынок, – фыркнул Тисус.

– Оставьте свои интеллектуально-юмористические баталии на потом, – нетерпеливо попросил Коул, сложив руки на груди. – У нас дело.

Змееносец до сих пор пребывал в скверном расположении духа после ловушки, в которую угодил по вине Поллукса. Вообще все на это отреагировали сдержанно, разве что Стефан обозлился и с руганью пнул и опрокинул стоящую неподалеку от «Белого луча» урну.

Вместо Тисуса прояснять обстановку начала его помощница Ламия.

– Манипуляция Обливиона является запрещенной как у светлых, так и у темных. За редким исключением, например при клятве душой, – быстро говорила она, заправляя черную прядь за ухо. – Обливион сложно обратить.

– Но возможно? – спросил я.

– Шансы все равно так себе, – сообщил Тисус.

– И тем не менее нам придется постараться, – заявил Коул. – Луна – единственная, кто еще в силах рассказать хоть что-то об Антаресе. Мы ясно понимаем, что необходимо приложить все усилия для возвращения Верховного. Если он не будет в полной силе и в своем теле, то звезды и дэларты устроят здесь Судный день за его осколки. И мы вряд ли сможем пережить подобное – что уж говорить о миллиардах приземленных, которыми обе Армии жертвуют без оглядки. Так что, Тисус, в твоих же интересах, чтобы шансы на восстановление Луны выросли. Так, Ламия, ты говоришь, что это возможно?

– Да, – кивнула она с серьезным видом. – Нужно влить в пострадавшего большую порцию его собственного или схожего эфира. Это как переливание крови. Если бы Луна была приземленной, то можно было бы уже писать похоронные речи. Людям таких ресурсов не найти. А у заоблачников есть лазейка.

– Но на Земле подобного для Луны также не отыскать. – Тисус развел руками.

– Тогда зачем мы вообще об этом болтаем? – встряла Фри. – Если этот способ бесполезен, то нужно искать другой и пользоваться тем, что есть под рукой!

Стефан, который до этого молча стоял у широкого окна, подал голос:

– На Земле, может, и не найти, но в других-то местах нарыть можно.

Все обратили на него взор. Стеф дернул плечом.

– У космических объектов имеется Центрум – по сути, отправной пункт, который связывает эквilibrium и его небесное тело – хранилище эфира, передавая энергию. Они сами туда возвращаются, когда нужно пополнить силы и восстановить здоровье.

Тисус выдал кривую улыбку и кивнул.

– В точку.

Я в непонимании затряс головой.

– То есть что вы предлагаете? Что нужно делать?

– Ты что, не знаешь, что такое хранилище эфира? – с легким раздражением поинтересовался Стеф. – У Луны только один шанс на спасение.

Он указал на небо, где сиял почти полный бледный диск. Я потрясенно округлил глаза.

– Вы предлагаете... отправиться на Луну?..

– И захватить ее с собой, – подтвердила Ламия, кивнув на орнега. – Нужно донести ее до Центрума. Лишь тогда ее эфир очистится и манипуляции спадут.

Меня пробрал нервный смех.

– Но это же Луна! Спутник! Сплошной вакуум! Я уже молчу, что добираться туда, мягко скажем, долго!

Но никто не обратил внимания на мои волнения. Коул явно рассматривал это предложение всерьез.

– Протекторы туда не ступали тысячи лет. – Змееносец перевел удрученный взгляд на Тисуса. – Там бывали лишь первые поколения. Ты единственный, кто из нас всех посещал это место.

Я изумленно покосился на Тисуса. Мне не было известно, что он настолько древний.

Тот почесал затылок и кивнул.

– Да. Я бывал там, пока мы не оставили Лунный дом. Он как раз построен вокруг Центрума. Тогда мы поддерживали тесные связи с Луной – она помогала нам. Неохотно, но все же. Оттуда было удобнее вести некоторые исследования. – Он посмотрел на неподвижную заоблачную. – Мы оставались с ней на связи даже после ухода с ее хранилища. Но пару последних веков она не выходила на контакт. Никто, похоже, не знал, что Луна примкнула к «Белому лучу». И зачем только это ей понадобилось?..

– Наверняка из-за Антареса, – предположила Сара. – Она связана с ним, как бы странно это ни звучало.

– Луна приближена к Земле и часто здесь появлялась. – Дан пожал плечами. – Так что если она пересекалась с Антаресом, то я не удивлен.

– А что произошло с Лунным домом? – поинтересовался я.

Атмосфера помрачнела. Все внимательно смотрели на Тисуса.

– Насколько я помню, это стряслось из-за Шакары? – спросила Фри.

Он вновь закивал. Каждый раз, когда он так делал, мне казалось, что его тонкая шея не выдержит веса головы и надломится.

– Именно из-за нее, – с хрипотцой в голосе подтвердил Тисус. – Давно это было очень. И мое созвездие тогда по-другому называлось, и протекторы со сплитами были другими. Кандидатов вообще не существовало. Лишь черные монстры. Страшные – намного опаснее, чем сейчас. Сплошной сгусток Тьмы, ничего человеческого.

– Но первая сотня протекторов истребила этих первородных сплитов, – поспешил продолжить повествование Дан. – Ряды тварей не пополнялись, так что...

– Я там был или ты?! – грубо перебил Тисус. – Замолкни и дай мне рассказать, как было на самом деле, а не то, что перевиралось по десять раз! – Он не позволил Дану возразить и продолжил: – Верно, мы истребили их за какую-то тысячу лет, и пополз слух, что большие шишки с небес лишат нас звездного Света или вообще устроят. Но Шакара, как вам известно, начала ставить опыты над приземленными – пробовала отделять эфиры друг от друга. Боялась лишиться памяти и стать обычным человеком. Ей нужны были другие сплиты ради оправдания нашего существования. И творила она свои черные дела как раз там, на Луне. Потом я и еще несколько протекторов... уже не помню их имена... – Тисус замялся, но продолжил: – Мы стали чувствовать, что что-то неладно. Хотели провести обыск в Лунном доме, но Шакара нас опередила.

– Там же многих перебили, – щелкнув пальцами, вспомнил Дан.

Тисус кивнул. Он чуть отвернул голову и уставился в пол. Его узловатые пальцы нервно барабанили по столу, на котором лежала Луна.

– Мы не поняли, что это было. До сих пор ничего неизвестно, на Луну же не возвращались из-за сломанных транзитов и из чистого самосохранения. Ценных вещей там не осталось, только пустые залы. Все считали, что всему виной Шакара. Еще бы, кому другому мог взбрести в голову такой зверский план по заметанию следов? Та тварь просто появилась из ниоткуда. До этого нам не приходилось видеть подобных. Страшнее сплитов, намного. Если настигала, то отбиться не было и шанса. Огромная... Ужасное зрелище. Одновременно одно и много. Возможно, сейчас я бы и смог понять, кто это, если бы увидел ее вновь. То был определенно заоблачник с расколом в душе. Монструм. Они же всегда разные при таком недуге. Но сейчас-то кто его знает. Много тысячелетий минуло. Его там и нет уже – подобные не живут больше пары сотен лет, ведь сами не могут вырабатывать эфиры. Четырнадцать люмен-протекторов погибло. Потом-то мы поняли, что все устроила Шакара, но, даже несмотря на наше вмешательство, она уже собрала нужную информацию. Венцом ее опытов стал протектор, которого Шакара превратила в кандидата и выпустила в мир. С тех пор эта зараза и бушует среди людей.

После рассказа в помещении еще некоторое время стояла тишина, лишь откуда-то раздавалось мерное пощелкивание.

– Выходит, добраться туда можно. – Я чуть воспрянул духом. – Тогда нужно выдвигаться! Тисус поморщился.

– Ты что, оглох? – заворчал он. – Я же сказал, что там крайне опасно! Твари уже нет, но, кто знает, какие ловушки таит в себе разрушенное здание, где тысячелетиями хранились опасные приборы и манипуляции, за которыми никто не следил? Выжить там будет ой какой большой удачей!

– К сожалению, удача для нас является роскошью, – протянул Коул, который, судя по отстраненному виду, продумывал дальнейший путь.

– Но иного выхода нет, – настоял я. – Либо так, либо все пропадет. Мы должны продаться к Центруму.

– Ишь какой приткий новичок, – с осуждением хмыкнул Тисус. – Такие умирают быстрее остальных. Я этого навидался.

Дан стукнул кулаком о ладонь.

– Максимус прав, нельзя отступать. Мы близки к Антаресу как никогда. Да и не хотелось бы иметь еще одно мертвое небесное тело в нашей планетарной системе. – Он внимательно и с воодушевлением оглядел нас. – Все здесь собравшиеся готовы туда идти. Каждый понимает, что она, – он указал на орнега, – возможно, ключ к будущему Света. Луна должна выжить. А ради этого мы обязаны рискнуть.

Стефан подошел ближе.

– Мы, естественно, ломанулись бы туда, теряя тапки, но ты не забыл одну маленькую помеху?

Дан возмущенно вскинул подбородок.

– О чем ты? Конечно, я все учел! Я никогда ни о чем не забываю.

– Транзит разрушен, – холодно напомнила Сара. – Мы не можем покинуть пределы Земли, пока заоблачники его не восстановят.

Дан чуть сник, но, подумав пару секунд, внезапно озарился очередной идеей.

– Можем. Шанс маленький и нужно будет нечеловечески вывернуться, но способ есть. На Земле имеется трансфер.

Стефан сначала нахмурился, но затем до него дошло.

– Да ты рехнулся! – опешил он.

– Не рехнулся, а предложил радикальный метод.

– Что за способ? – заволновался я.

– Иногда заоблачники дают нам всякую редкую помогающую в работе дребедень, – неуверенно пояснил Стефан. – И одной из таких штук являлся трансфер – по сути, персональный транзит. Наш был мелкий и имел системно-планетарный масштаб, то есть мог перебросить тебя куда угодно по Солнечной системе без каких-либо ограничений. Его нам выдали в стародавние времена, когда дозорные пункты располагались еще не везде, чтобы протекторы без надрыва успевали устранить тварь. Только дальше Луны они никогда за ненадобностью не ходили.

– И что же случилось с трансфером?

– Украли его, – процедил Стеф. – Гепард и Прометей, когда вместе под ручку уходили от нас.

– Грей? – спросил я, вспомнив горделивого падшего.

– Да, – подтвердил Дан. – Перед тем как покинуть протекторов, они с Прометеем решили захватить с собой пару сувениров на память. Взяли несколько сильных амулетов и трансфер. Но пришло время забрать то, что принадлежит протекторам.

– Тебе прошлого набега на базу падших было мало? – взвилась Сара. – Мы даже не знаем, где они сейчас находятся! У нас нет времени на отлов предателей.

Все снова погрузились в задумчивое молчание, которое было прервано Ламией.

– Так-то оно так, но только один из них в нашем карцере.

Коул тоже воспрянул, похоже, напрочь забыв о падшем, сидящем на пятом этаже. Я чувствовал, как собравшиеся приходят в движение.

– Гектор вряд ли расколется так сразу, – нахмурился он. – Технический отдел еще не закончил обрабатывать информацию с его души. Если бы мы добыли этот трансфер, то я бы сформировал группу в Лунный дом. Нужно только заставить падшего рассказать все, что ему известно... Придется развязать ему язык.

– Так ты согласен с моими предложениями? – Сара подступилась к нему.

Змееносец слегка поморщился, будто от неприятного запаха, но неохотно выговорил:

– Через полчаса я попробую поговорить с ним еще раз. Если мои предложения не работают вновь, то, пожалуй, ничего другого не остается.

Но я понимал, что это не выход. Грязно и долго. Слишком большое промедление. Гектор мог не выдавать информацию часами, а это погубит всех. Я посмотрел на Луну. От ее вида сжималось сердце. В душе метались сомнения, но времени оставалось все меньше.

Как только мы покинули Манипуляционную, я быстро схватил Фри и Дана под локти и отвел их в сторону.

– Ты чего? – удивилась наставница.

– Нам не нужны манипуляции. Я смогу узнать нужную информацию из души Гектора. Просто дайте мне несколько минут с ним наедине.

Глава VIII

Часть твоей души

В голове у Альдебарана еще долго гудело. Он даже не заметил, как толпа вынесла его прочь с форума. Вокруг гремели тысячи голосов, превращаясь в неразборчивый шум, раздражающий и назойливый, отбивавший всякую мысль. Альдебаран опомнился, лишь когда услышал свое имя.

То был Бербут – префект Ефанезии. Долговязый и рыжий, он стоял в сопровождении планетара-фактотума. Связь звезд с планетарами из родной системы была священной и почти неразрывной, где звезда-патрон оставался покровителем своих планет-фактотумов, верных воинов и помощников, обязуясь управлять ими справедливо, не пятная честь и достоинство подчиненных. В любом другом случае кара свыше прилетала незамедлительно.

– Ну ты видел, а? – проворчал Бербут, стоило Альдебарану подойти. Он с недовольством оглянулся на прошедших мимо правоведов. – Это просто неслыханное безобразие и торжество лицемерия.

– Черный миг, – кивнул другой, беловолосый со шрамом под глазом. – Но это лишь первичное назначение. Все еще может исправиться.

– Этого ему уже будет достаточно для выстраивания обороны. – Альдебаран отрешенно уставился на блестящие крыши полиса за окном. – Если Зербраг получит большую власть, чем прежде, то не допустит своего падения обратно. Ради нее он пойдет на все.

– Зербраг устроил из священного действа дешевый театр! – не унимался Бербут.

– У него было на то право, – уклончиво ответила префектша Дариотума. Голос ее был глух, а в росте она совсем немного уступала Альдебарану. – Зербраг справедливо отметил, что он старый воин с огромной душой и многое сделал для Света. Вселенная и Материя, он прошел сквозь эру Конфронтаций и Тройственную гражданскую войну, вышел из нее героем. И это лишь часть его заслуг. Ему повезло родиться в нужный момент и застать те времена, когда можно было себя показать. У Бетельгейзе же такой роскоши не имеется. Она лишь ступала на путь своего зенита, когда произошла битва за Люксорус. А после Армии на пять тысяч Генезисов ушли в стадию холодного сопротивления. Сейчас колесо Войны катится лишь по отдельным префектурам и областям. Для нас это благо и передышка. Но Бетельгейзе проигрывает Зербрагу в подвигах. У нее просто не было возможности показать себя.

– И что? Всепроникающий Свет, когда он вообще геройствовал? Да эти подвиги старше, чем все то нелепое и сказочное древнее наследие, которое Зербраг не перестает так маниакально искать! Даже магн-легаты не должны таким заниматься, а он – Паладин! Для подобных вещей у нас есть разведчики.

– И все же он его нашел, – пожала плечами префектша.

– Монументальные ребра колосса, больше целой планетарной системы, – мрачно заговорил беловолосый. Альдебаран наконец вспомнил, что это недавно назначенный префект Тел-Лермиса – небольшой предельной префектуры. – Остатки древнего военного полиса Шаа из Бронзовых Ветров, где Байро Разящий сверг династию Прима, Расколотый Универсариум Девронис Странницы, и даже отыскал стены крепости Лаэрта Покорителя, затерявшиеся в космических просторах. Но Зербраг всегда искал что-то, что могло бы рассказать нам больше об эре Зарождения, до того как Баэрдод Путеводный стал первым Верховным. И вот теперь он, похоже, это нашел.

– Аларонем? – скрестив руки, с недоверием фыркнул Бербут. – Бетельгейзе права: очередная сказка и громкий пшик. Поверить не могу, что какая-то старая лампа так вскружила головы громогласному меньшинству. Вы же сами всё видели, Зербрага поддержала хорошо если половина зала. А столько шуму!

– Они устали, – Альдебарану было тяжело признавать это, – от постоянных поражений, в череду которых мы попали после битвы за Люксорус. Многие чувствуют себя униженными и обделенными. Столько светлых лишились своего дома. Я верю в Бетельгейзе всей душой. Но даже я понимаю: не всякий поверит, что она начнет новую светлую эпоху, лучше, чем все предыдущие. Зербраг и здесь был прав. Мы на грани слома Эквилибриса. Всем требовался победоносный символ. Зербраг его им дал.

Бербут и дальше спорил и ворчал, а Альдебаран понимал, что, сотрясай они воздух хоть вечность, поменять все равно ничего не смогут. Перевес Зербрага казался небольшим, но он был.

Потому Альдебаран откланялся и ушел. Туда, куда его направил орнега перед заседанием.

Скованный тревогой и потрясением, он мерил шагами пространство обзорной площадки. На небе Ревершиль почти скрыл Баэрдод, оставив от звезды лишь узкую алую полосу. Когда эквилибрум отвлекся на этот вид, в проходе послышались тихие шаги.

– Ты все-таки пришел.

Какая-то часть Альдебарана с самого начала надеялась или даже знала, кто пригласил его сюда. Но, несмотря на это, он с неверием уставился на Бетельгейзе. Она попыталась улыбнуться ему в приветствии, однако вышло крайне вяло.

Взяв себя в руки, Альдебаран немедленно поклонился.

– Я не мог не прийти, луц. Разве я вправе ослушаться указа?

Рука Паладина мягко легла на его плечо.

– Оставь это, прошу, – произнесла Бетельгейзе, заставляя Альдебарана выпрямиться. – Мне не нужны от тебя почести.

Эквилибрум нахмурился, но промолчал. Бетельгейзе же внимательно всмотрелась в его лицо.

– При нашем последнем разговоре у тебя не было столько шрамов. Когда ты их получил?

– В последний раз мы говорили достаточно давно, – уклончиво ответил он, отворачивая изуродованное лицо. – Я был вызван не ради того, чтобы обсуждать мой внешний вид, верно?

Бетельгейзе кивнула и подалась к ограждению, глядя на небесные светила.

– Мне жаль, что так вышло с Зербрагом, луц, – сказал Альдебаран.

– Прекрати, – резко обернувшись, ожесточилась Бетельгейзе. – Мне не нужен очередной подчиненный. Только не ты.

– Тогда кто вам нужен? – спокойно осведомился он.

Бетельгейзе раздраженно поджала губы, словно от бессилия.

– Поговори со мной. Как раньше.

Прежде чем ответить, Альдебаран помедлил, вспоминая ее старый образ.

– Боюсь, как раньше, не выйдет. Вы уже давно не мой рекрут. И я вряд ли имею право давать советы Паладину.

– Тогда дай совет другу.

Другу... от этого слова Альдебарану стало не по себе. Слишком много времени прошло в молчании. Какими друзьями они могли быть теперь?

И тем не менее...

– Что я могу для тебя сделать? – спросил он, теплея от благодарности в ее глазах.

– Ты ведь был в подчинении у Зербрага. Сам рассказывал мне о его зверствах.

– И о многом умолчал.

– Произошедшее на форуме – тотальная катастрофа... Как он смог найти этот Маяк?... В любое другое время я была бы рада, но... Почему именно сейчас?

– Есть шанс, что все это лишь фарс. Кто знает, на какой обман готов пойти Зербраг, лишь бы заработать доверие публики.

Когда звезда снова отвернулась и тяжело навалилась на парапет, Альдебаран подошел ближе.

– В Свете полно душ, которые сочли произошедшее вопиющей несправедливостью. Зербрага мало кто любит, этим он тебе проигрывает.

– Но теперь он герой, – сухо усмехнулась она. – Тот, кто вернет нам Алароном.

– Ты будешь прекрасной Верховной, Бетельгейзе. Оттана готовила тебя к этому долгое время. Она видела в тебе истинного преемника. Мы будем бороться. Столько, сколько требуется.

После небольшой паузы Бетельгейзе покачала головой.

– Помнишь, как здесь ты свел меня с Антаресом?

Альдебаран печально улыбнулся.

– Ты несколько эллеров умоляла меня об этом. Я напоминал ему, а тот все забывал и забывал. В отношениях с душами он был слишком рассеян. Из-за занятости не мог найти времени.

– Верно. Мы же были связаны с ним кровными узами как последние представители генома Анимера, а я знала его почти исключительно по ворчанию отца. В моем детстве мы несколько раз пересекались, немного общались. Но мне так хотелось поговорить с ним как следует! Антарес казался столь великим, непостижимым. Когда я росла и даже когда была рекрутом, все только и говорили о его подвигах, приравнивая их к чудесам. Нест Хрупкий едва не довел нас до Раскола Света, а Антарес позволил Армии воссиять как никогда прежде. Он был везде и был со всеми, в одиночку мог одолеть целые легионы и освобождал утерянные Светом земли от темных захватчиков. Сумеречные походы, войны, кризисы – Антарес преодолевал почти каждый из них с неправдоподобной легкостью. И, что самое главное, был добр. Так говорили. Сложно не очерстветь, когда на плечах лежит столь тяжкий груз, но даже с этим Антарес справился. Он вел нас к миру, вел к покою и стабильности. Пока дэлары не пришли по его душу. – Ее взгляд потух. – Я мечтала стать хотя бы немного похожей на него.

– Знала бы ты Антареса, когда он только вступил в армию, – рассмеялся Альдебаран. – Из непостижимого в нем была только особая способность нарываться на неприятности. Но все же... На тебя время он в конце концов нашел, что уже стало для него подвигом.

Бетельгейзе глядела в сторону полиса. Темнота окутала его, яркие огни зданий мягко озарили все вокруг.

– Он был рад встретиться со мной, – вымолвила она. – Я не ожидала такого участия с его стороны. Антарес помог мне, направил на верный путь, которому я следую до сих пор. Я буквально преклонялась перед ним, а он признал во мне родную кровь. И помогал до самого конца. Потом Антарес умер, и не было на моей памяти Верховного лучше, чем он.

Каждый раз, когда кто-то вспоминал о тех событиях, тяжесть охватывала Альдебарана. Он нес ее на себе все прошедшие Генезисы.

– Мы росли вместе. Было чудовищно больно смириться с его смертью. Я прошел с Антаресом через многое, потому могу с уверенностью сказать, что его душа была одной из светлейших, что я встречал. И не было ему равных. Во всяком случае, до тебя. – Он решительно заглянул в печальные глаза Бетельгейзе. – Я знаю тебя давно. Я наблюдал, как ты совершала верные поступки, все во благо Света. Будь то первые наши тренировки, рекрутство или твоя работа в правительстве. Ты действительно отдавала себя всю. У нас нет лучшего кандидата на место Верховного Света.

– Есть.

К изумлению Альдебарана, Бетельгейзе с горечью улыбнулась.

– Я нашла часть его души, Альдебаран. Часть Антареса.

Поначалу эквилибрум даже не понял, что она сказала, настолько абсурдным это казалось.

– Нашла?

– Да! Мы сможем его вернуть! После стольких Генезисов. Антарес снова будет жив. Альдебаран отшатнулся, точно от ударной волны.

– Невозможно, – наконец произнес он. – Он мертв. Ты не могла.

– Но это так! Я сама видела его воспоминания. Ошибки быть не может.

Бетельгейзе приблизилась к Альдебарану, но он отступил.

– Я уже один раз отпустил друга в дальнейший путь, – глухо пророкотал он. – Мы столько искали его, надеялись, молились, верили. Все безрезультатно. Если это ошибка, то я...

– Я могу доверить это только тебе.

Альдебаран помедлил.

– Мне?

– Ты был одним из его ближайших товарищей. Ты бы никогда в жизни его не предал. Не сделаешь этого и сейчас, когда нельзя быть твердо уверенным, кто друг, а кто враг. Прихвостнем Зербрага может оказаться любой.

– А он наверняка не будет в восторге, если единственный, кто может вновь отнять у него место Верховного, вернется, – ошеломленно заключил Альдебаран. – Если в споре с тобой за этот титул у него еще есть шансы, то с Антаресом – никаких. От Зербрага все отвернутся.

– Именно, – кивнула звезда. – Но сейчас Зербраг главный, все проходит через него. Потому мы обязаны действовать в строжайшей тайне.

Сердце Альдебарана бешено колотилось, даже не думая сбавлять темпа. Ему хотелось верить, что все произошедшее в Зеркальном Шпиле – не более чем очередной плохой сон. Альдебаран меньше всего на свете желал питать ложные иллюзии в отношении чудесного воскрешения друга. Но маячивший на горизонте Зербраг не оставлял ему выбора.

– Где он сейчас? – нехотя осведомился эквилибрум.

– На Терре. Когда я обходила населенные планеты, то обнаружила монструма.

– Монструма?! – не поверил своим ушам Альдебаран. Он опасливо обернулся, боясь, что кто-то мог услышать его возглас. – Ты хочешь сказать, что нашла осколок Антареса в чужой оболочке?

– Он слит с протектором.

– Невероятно, – рассердился он. – С приземленным, значит? Как это вышло? Где протекторы его нашли? Как душа Антареса смогла столько скрываться от нас?

– Как так получилось – сейчас неважно. Главное, нам нужно вернуть часть его души.

Альдебаран потупил взор. Ему претила мысль, что какой-то приземленный завладел душой Антареса. Он не мог этого принять. Крайне не хотелось представлять, какие ужасные последствия повлечет столь огромная сила в руках слабейшей расы.

– Но это лишь осколок, Бетельгейзе. Он ведь неразумный, так? Это не Антарес. Только его воспоминания. Для нас это буквально ничего.

– Еще недавно мы не знали, что от Антареса вообще что-то осталось! – в сердцах воскликнула Бетельгейзе, схватив Альдебарана за плечи. – Значит, можно попытаться найти остальные! Это не «ничего». Это – надежда.

Затаив дыхание, она всматривалась в Альдебарана.

– Я оставила осколок там, чтобы не позволить Зербрагу разделаться с последним следом Антареса. Но связь с Террой с недавнего времени полностью оборвалась. Я не знаю, что там происходит, а транзитный мост заблокирован.

– Ты хочешь, чтобы я проник туда, – догадался Альдебаран.

– Да. Это твоя префектура. Ты можешь работать в ней, не отчитываясь перед Магистратом.

Эквилибрум глубоко задумался.

– Терра – небольшая планета под управлением Солнца. Я бы мог отправить его, но он сейчас на задании. Пока он вернется, может быть уже слишком поздно.

К тому моменту Баэрдод окончательно спрятался за Ревершилем. Черный диск испускал дымные струи, особо заметные в алой короне, создаваемой звездой.

– Ты моя последняя надежда, – вымолвила Бетельгейзе. – Пока я буду вести борьбу за Свет здесь, ты должен связаться с Террой и спасти Антареса, если то необходимо. Попробуй отыскать его полностью. Не вреди протектору по возможности – то будет хуже для всех. И никогда и ни за что не предавай меня.

Альдебаран накрыл ее ладонь своей. Он был готов сделать для Бетельгейзе все что угодно. Но отыскать мертвеца...

– Я знаю, что ты не веришь, – вдруг с серьезным видом сказала она и требовательно сжала его руку. – Чувствую. Но ты должен пообещать мне, что попытаешься. Альдебаран, это падение в бездну. Это проверка твоей веры. Я знаю, что это сложно. Но пообещай мне, что сделаешь все возможное.

Эквилибрум правда не верил в то, что Антарес может быть жив после всего случившегося. Но хотел верить Бетельгейзе.

– Ты не отступишься, – настаивала она. – Ради Света и всех нас. Обещай.

Не колеблясь, Альдебаран создал меч из Света своей души. Тот был двуручный, тяжелый, но верный. Гарду и половину лезвия испещрял орнамент в виде цепей. Альдебаран отбросил накидку и преклонил колено перед Бетельгейзе, опершись на свое оружие.

– Это не обязательно... – потрясенно сказала она.

– Перед Вселенной и Всепроницающим Светом я клянусь тебе, Бетельгейзе Хранящая, в абсолютной преданности, – решительно заговорил Альдебаран. – Я отдаю себя целиком и без остатка во имя важной цели. Моя душа – часть твоей, пока я не исполню данное тебе обещание. Да буду я поглощен Обливионом в случае провала или паду перед тобой в пожизненной службе. Я осознанно принимаю эту судьбу. Примешь ли ты мою верность?

Было видно, как Бетельгейзе искала повод отказать, но она понимала, что в случае неудачи уже ничего не будет иметь смысла.

– Не смей проигрывать. Я не хочу, чтобы ты погиб или оказался у меня в рабстве.

– Зато ты будешь уверена, что я тебя никогда не предаю. Я обещаю, что сделаю все возможное.

Альдебаран испарил меч, чтобы Бетельгейзе могла медленно наклониться и прикоснуться своим лбом к его. Пакт между душами был закреплен в свете алого пламени, слабо льющегося с небес. Красная корона Баэрдоды и Ревершиль вместе напоминали гигантский глаз, точно сама Вселенная взирала на звезд.

Глава IX

Наши глубочайшие секреты

– Ну-ка повтори еще разок, – не унимался Дан, стараясь не отстать от меня. – Даже желательно на польском, а то, кажется, мой внутренний переводчик сбоит. Или мне не слышалось, что ты...

– Да-да, – отмахнулся я, проносясь мимо камер. – Ну могу я считывать с душ некоторые воспоминания. Это же полезно для нас!

– А ну постой! – с возмущением приказал протектор. – Ты какого черта не сказал нам об этом маленьком недоразумении раньше?

– Времени не было! Нас, если помнишь, пытались убить на каждом шагу. Что мне было делать в тех ситуациях?

– Ну не знаю, к примеру, сказать нам, что ты начал шастать по душам?! – Он подошел и с жаром ткнул пальцем мне в грудь. – Способность, которой владеют лишь редкие души. Да уж, действительно пустячок.

Фри оттолкнула его в сторону.

– Не кипятись, – сказала она, а затем обратилась ко мне: – Это же началось, как только в тебе оказался осколок Антареса?

Тут я замялся.

– Ну... как бы... да...

Фри перевела внимание на слегка сбитого с толку Дана.

– Это наверняка от Антареса. Он же из генума Анимера, а они как раз «созерцатели душ».

Я решительно указал на карцерный коридор.

– Я смогу узнать, где спрятались падшие. Без пыток и допросов. Сара и Коул потеряют кучу времени, а у нас его нет.

Дан страдальчески потер переносицу, крепко зажмурившись, будто весь этот разговор вызывал у него мигрень.

– А вот скажи, откуда ты вообще понял, что у тебя есть эта способность, и как ты научился обходиться с ней за столь короткое время?

Этот вопрос застал меня врасплох.

– Ну, я просто чувствую это. Да и... Антарес мне сам подсказал.

Сам факт, что бывший Верховный может излагать свои идеи внутри моей головы, казался мне менее шокирующим, чем способность заглядывать в души. Но вот остальные так не считали.

– Он... говорит с тобой? – выдохнула Фри, округлив глаза.

– Временами, – уклончиво ответил я.

– Что ж, – хмыкнул Дан, – чего-то подобного я на самом деле ожидал. Чудный побочный эффект от принятия второго разума в тело. И что он тебе сказал?

– Он почти не говорит. Скорее подсказывает, посылая мне образы.

Когда мы дошли до нужной камеры, Дан немедленно сделал стену прозрачной. Гектора давно развязали, стул исчез. Падший просто сидел в углу, опустив голову. Я не знал, спит он или просто выжидает.

– И как ты все провернешь? – осведомилась Фри.

– Просто подойду, дотронусь, загляну.

– И как часто ты этим пользовался?

Тут я сообразил, что раньше постоянно смотрел внутрь их душ. Кому такое понравится?

– Пару раз приходилось. Странное ощущение. Как тумблер – щелкает по приказу Антареса.

И мы отворили дверь. Дан создал шпагу, Фри положила руку на эфес клинка. Гектор не сразу обратил на нас внимание.

– А-а, – протянул он, покривившись. – Монструм. Не думал, что тебя подпустят ко мне. Решили наконец отвести меня на обнуление?

– Много чести, – хмыкнул Дан. – Ты ведь не расскажешь нам, где твои друзья? А то они сбежали и зарыли головы в землю. Совсем не этично.

– Серьезно? Ты считаешь, что если я не раскололся перед Змееносцем, то солью все тебе?

– Я больше нравлюсь людям, – улыбнулся протектор. – Мне трудно производить иное впечатление.

И пока они не продолжили и дальше обмениваться взаимными подколами, я присел на корточки и потянулся к руке Гектора. Тот немедленно ее отдернул, будто к его пальцам приближались распахнутые челюсти.

– Эй, ты чего удумал?!

– Не шевелись, – приказал я и подался к нему снова.

Падший дернулся, но внезапно замер, потому как Дан резким выпадом приставил острие шпаги к его шее, чем немало напугал и меня.

– Давай без резких движений, – вкрадчиво попросил Дан. – Я не очень-то люблю насилие, но твое гадкое лицо просто провоцирует меня.

И пока Гектор думал над ответом, мне наконец-то удалось коснуться его ладони и провалиться внутрь души.

Возникла мастерская. Судя по всему, здесь делали скульптуры. Из грязных окон тянулись ленивые лучи закатного солнца, густая пыль золотом поблескивала на свету. На захламленных столах лежали инструменты, груды чертежей неровными стопками покоились подле стульев.

Через меня проходили десятки эмоций: ненависть, отвращение, страх. Чувства загнанного животного, которое решило отбиваться до последнего, несмотря на весь внутренний ужас. Я огляделся и увидел еще несколько недоделанных статуй. Но нашлась здесь и готовая работа. Центр души. Статуя умывалась солнечным светом. Белая, гладкая, с множеством сложных и мелких деталей. То была женщина. Ее руки показались мне самой проработанной и отточенной частью образа. Каменные пальцы касались шеи. Драпировка платья чем-то напомнила вихри дыма. Все было выполнено с огромным мастерством, но особое внимание привлекало ее лицо.

Оно было уничтожено. Словно создатель взял в руки молоток и наносил по камню удар за ударом, пока все черты не обратились в прах.

Я искренне верил, что за этим уродством кроется своя история, которую, если хорошенько поискать, мне бы удалось увидеть в прошлом Гектора. Но не она меня интересовала. Когда я коснулся рук статуи, то держал в мыслях лишь одно.

Меня тут же подхватил вихрь образов. Он сносил, срывал с твердой земли, разбирая ее по кусочкам. Азарт забился внутри головы, кровь ускорялась, а сознание, казалось бы, становилось больше. Я знал, что делал, и был полным хозяином положения. Именно в такие моменты, когда чужая история поглощала меня целиком, я чувствовал себя живее всех живых.

Падшие, – думал я, продираясь сквозь расплывчатые образы: квартиры, стебли побегов, каменные проулки и бесконечный, изменчивый коридор темных улиц и лесов. – Их местоположение, главное обиталище. База, на которую они сбежали.

Гектору было известно, куда переправились его товарищи, но он упорно хранил этот секрет в самых темных глубинах своей памяти. В другое время я бы и не подумал туда пробираться – мне становилось дурно, и после таких нагрузок обычно набегала жуткая слабость. Но в этот раз ничто не могло меня остановить. Потому я уверенно продолжал идти по образам, словно соединяя пронумерованные точки в детской головоломке, чтобы в конце концов получить единую картину. Все погружалось во мрак, в спрятанную, невидимую бездну. И я нашел

ее. Жар опалил кожу, песок захрустел на зубах. Я увидел бесконечные барханы, что волнами тянулись к горизонту. Темные рваные скалы вырывались из песчаного плена.

Звуки и образы проходили через мой разум и отпечатывались в памяти. Все хаотично металось, но я улавливал суть, и она мне не нравилась. Поток информации лился и дребезжал. Чем больше я узнавал, тем сильнее сжималось сердце.

Не попадем, – в отчаянии подумал я. – Звезды, нет. Мы не сможем. Никто не сможет. Мы проиграли.

Что-то в груди встрепенулось. Жар ударил в голову, и иная сила потянула из мглы воспоминания. Я не без удивления отметил, что Антарес решил поучаствовать в деле. Он подавил мои указы одной-единственной мыслью, развеял их и занялся своей работой, будто желая показать мне истинный путь. Верховный точно знал, что искать. Нужные воспоминания были найдены с такой скоростью, с какой я в жизни не действовал в душах.

Стройная фигура в замызганном фартуке. Угольные волосы, прямая осанка, непробиваемая жесткость в глазах. Я содрогнулся, увидев Шакару так близко и ясно. Она и окружение менялись, но одно оставалось одинаковым – выражение ее лица и находящиеся перед ней подопытные.

– Они умирают! – услышал я ее голос.

Шакара не раскрывала рта, связанные с нею воспоминания постоянно сменяли друг друга, но слова звучали в моих ушах.

– Почему они умирают? Снова, и снова, и снова.

Темная комната; падшая склонилась над одним из тел, лежащим на железном столе.

– Я не понимаю, что делаю не так. Можно предположить, что эта операция невозможна и в теории, но она описана эквilibриумами, хоть и запрещена. Успешные прецеденты были.

Я увидел сферы. В них горел фиолетовый дым. Души. Их две. Нет, больше. Много больше. Шакара пробует это раз в несколько лет, но и не думает о прекращении опытов. Ведь успеха она пока не достигла.

Шакара держала сферу в руках. Ее черные глаза казались стеклянными, прямо как у куклы.

– Я уверена, что делаю все правильно. Не может быть иного. Значит, проблема не во мне, а в них. В приземленных.

Она извлекает души. Каждый раз перед ней лежат еще живые тела, но они уже обречены. Падшая не думала о содержании душ. Ее интересовало только то, что можно с ними делать.

– Может, их оболочка слишком слаба? Или же эфир неспособен так быстро адаптироваться?

Бывало, что подопытный просыпался. Тогда Шакара следила за таким экземпляром, но это не продолжалось долго. Человек – простой человек, не сплит и не протектор – умирал в течение пары часов. Те, кто не погибал сразу после опыта и приходил в себя, кричали, говорили невнятно, иногда замыкались, садились в угол и начинали биться головой о стену. Так смерть приходила быстрее. Они не понимали, что с ними происходит, они вообще ничего не осознавали, кроме острого и непреодолимого желания прекратить свое пребывание в этом теле и мире.

Гектор видел ее опыты. Не считая Грея, он был ближе всех остальных к делам Шакары.

– Что это? – выдавил я. *– Зачем ты мне это показываешь? Что она с ними делает?*

– Всмотрись, – сказал Антарес. *– И пойми.*

– Вероятно, дело в людях, – говорила Шакара. *– В человеческом эфире. Протектор прожил дольше всех – неделю. И он даже был в сознании около часа. Хотя больше ничего внятного он и не дал, но тем не менее. Значит, помог звездный эфир в его крови?*

– Из этого вытекает, что нужно попробовать то же самое на заоблачниках, – глухо отозвался Гектор.

– Если бы я располагала такими ресурсами.

Все начало смазываться, но я увидел последний образ. Шакара взяла сферу, склонилась над телом...

Меня бросило в дрожь, когда сознание вырвалось в реальность, будто окатили ледяной водой. Кто-то оттаскивал меня к самой стене. Я непонимающе оглянулся, но Дан приложил палец к губам, призывая к молчанию. Он весь напрягся. Фри в такой же тишине стояла возле Гектора, прижав нож к его шее, чтобы он не издавал звуков. Только после этого я услышал голоса за пределами камеры.

– Не-не-не, сейчас не время! – восклицал кто-то.

В этой наглой и возмущенной интонации я узнал Стефана.

– Дай пройти, я должен допросить павшего.

Вторым собеседником был не кто иной, как Коул.

– Слушай, допрашивальщик из тебя так себе, не обольщайся. Саре эта роль больше подходит, а ты иди лучше чая хлебни.

– Что? – в голосе Коула было больше непонимания, чем угрозы, и вряд ли бы он запугал даже ребенка.

– Что слышал! – надавил Стеф. – Дай этим клоунам из Манипуляционной образцы собрать, а там делай что хочешь, хоть пинком его с плиты Соларума вниз скидывай. Я, кстати, даже заплачу бы, чтоб на такое глянуть.

– Там Тисус? – уточнил Коул.

– Да, и потому иди отсюда. Сначала придешь ты, потом Волк, потом они начнут мериться, у кого шутки площе, а в конце тут будет целое стадо наблюдателей. Тебе оно нужно? Серьезно, поищи пока Сару и остальных, там как раз закончат.

– А ты сам-то что здесь делаешь? – с подозрением заинтересовался Коул. – Ты не из Манипуляционной.

– Я здесь для того, чтобы, если вдруг этот черт трепыхнется, проломить его череп с той изящной аккуратностью, с которой подобную рану возможно будет залечить. Ты же знаешь, я в этом большой спец.

Повисло молчание.

– Я приду через пятнадцать минут с остальными. Заканчивайте. И если сюда действительно заявится Дан, то выпроводи его так, чтобы он не успел начать говорить, превратив все в мыльную оперу без антрактов.

Мы еще с минуту сидели и не шевелились, пока наконец в дверном проеме не показалось недовольное лицо Водолея.

– Я прекрасно понимаю, что у вас у всех свербит в зад, когда парад идиотии прерывается хотя бы на полдня, но вот это... – Он указал на Фри. Она до сих пор держала лезвие у горла Гектора, который побледнел так, будто все это время не дышал. – ...самая, блин, отбитая хреновина, которую вы только могли придумать!

– Ты что тут забыл? – выдохнула Фри, убрав оружие от Гектора. Тот закашлялся и упал на пол.

Стеф с раздражением сунул руки в карманы брюк.

– Могли бы и спасибо сказать. Я еще вовремя отключил прозрачность стен, которую вы по своей дурости забыли вырубить. Если бы не это, Коул уже наблюдал бы за вами, как за животными в вольере.

– Ну заметил бы он нас, и что? – фыркнула Фри, отворачиваясь.

– И что? – с вызовом переспросил Стефан, при этом кивнув на меня. – Хотел бы я посмотреть, как бы вы объяснили Коулу, а также и всем остальным, зачем притащили монструма к падшему и *что* умеет звезданутый.

– Спасибо, – вымолвил я. – Это действительно было очень кстати. Но зачем ты помог?

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Стеф все еще оставался куском добротного презрения.

– Чтобы дать тебе побольше времени, дурень. А еще потому, что остальные, увидев вас тут, развели бы бедлам. Вам пришлось бы хорошенько так завратиться, чтобы придумать хоть какое-то оправдание, и это ни к чему бы ни привело. А если бы ты решил слить правду всему Соларуму, то мы бы тут еще дольше провозились.

– И тебя не удивляет увиденное? – спросил я.

Стефан пожал плечами и подошел поближе к Гектору. Тот уже успел сесть и с ненавистью глядел на Водолея.

– Я слишком много повидал чертовщины, чтобы удивляться такому, – сказал протектор, при этом с омерзением смотря в глаза падшему. – Твое умение сейчас спасительно. Из этого осла выдрать информацию можно только так.

– Что вы сделали? – прошипел Гектор, напрягаясь.

– Ничего такого, чем бы стоило занимать мозжечок, – ответил Стеф. – Но твои услуги, похоже, нам больше не нужны. Потому скоро тебя отправят в утиль.

– Вы не могли ничего узнать. Я ничего вам не говорил. Ты блефуешь!

– Нет, – протянул Стефан, – над убогими я не издеваюсь. Разве что над Волком.

И тут Гектор со злобой кинулся на него. Не знаю, что падший намеревался сделать голыми руками, но он все равно внушал опасение. Гектор был на полголовы выше Стефа и уж точно в несколько раз крепче.

Протектор среагировал немедленно. Я и не заметил, что во время разговора он успел вытащить из кобуры пистолет. Одна белая вспышка – и Гектор готов. Он со стоном упал у стены. Заряд был небольшим, даже одежды не опалил, но силы явно потрепал.

Я наблюдал, как Гектор, кряхтя, отвернулся, давая увидеть затылок. У самого основания шеи темнела небольшая черная метка – три точки, составлявшие перевернутый треугольник. Мне тут же сделалось не по себе. В голове замелькали образы, увиденные в душе Гектора. Все разом собралось в единую картину. И эта метка – ее я там тоже видел.

В нетерпении я схватил Дана за лацканы.

– Нам нужно назад! В Манипуляционную! Сейчас же!

– Совсем с катушек слетел? – подалась вперед Фри и указала на Гектора: – Что ты там вообще увидел?

– Все! Все что нужно и даже больше! Я знаю, где падшие, знаю, как к ним попасть! Именно потому мы должны найти Ламию!

И, не дожидаясь их реакции, я рванул к выходу. Весь путь меня не покидала мысль, что лишь Ламия может мне помочь. Тисус откажется от этой идеи, другие не смогут. Да, этот способ единственно верный. Он пугал меня, но что поделать?

Я в безумном порыве ворвался в распахнутые двери Манипуляционной и начал звать Ламию. Не останавливаясь, пробежал с десятков метров по обыкновенно захламленному полу и навернулся на пустой стекляшке-накопителе, которая беспризорно валялась под ногами. Надо мной возникло лицо Ламии. Она поменяла основную линзу в рабочих очках.

– Судя по спешке, тебя либо посетила потрясающая мысль, либо кто-то хочет сожрать. А может, Паскаль снова покусился на твою душу. – Близнецы помогла мне встать. – Конечно, два последних варианта могли бы быть совмещены, не будь Скорпион вегетарианцем.

В ее душе я стоял на фиолетовых облаках под озаренным звездами небом. В нем сияло несколько лун, а из облаков высывались фонари. В каждом из них горела яркая свечка,

покрывавшая облака синеватым отблеском огня. Отмахнувшись от нагрянувшего видения, я взял себя в руки.

– Тисус тут?

– Нет, пошел в свой любимый сад созерцать природу, все как обычно. А что, он тебе нужен? Между прочим, это несправедливо, я не меньше него знаю!

– О нет! – воскликнул я, мотая головой. – Мне нужна ты.

– Я? С чего бы?

– Потому что лишь ты во всем этом треклятом месте пойдешь на самые безумные процедуры.

Ее глаза хитро блеснули, будто она уже заранее знала, что я скажу, и губы растянулись в заговорщицкой ухмылке.

– Излагай.

Глава X

Альтруизм

Когда остальные пришли в Манипуляционную, я уже рассказал Ламии все, что задумал и выяснил, при этом не уточняя про способность видения душ. Близнецы так воспряла духом, что носилась из одного конца зала в другой в поисках нужной аппаратуры.

– Макс, чтоб тебя Обливион поглотил, ты какого черта унесся? – выпалила Фри, добежав до меня. – Ты так и не сказал, что понял!

– О-о, он выложил роскошную идею! И она прекрасна во всех смыслах! – с восхищением отозвалась Ламия, провозя мимо нас огромный агрегат.

– Вот от тебя это вдвойне страшно слышать, – поморщившись, заявил Стефан. Вид у него был такой, словно он уже научен горьким опытом.

Дан серьезно обратился ко мне.

– Что ты задумал?

Я подобрал побольше воздуха, прежде чем начать объяснение, уже зная, что мои товарищи новостей не оценят.

– Для начала помните, что вы согласились не останавливать меня, если будет шанс помочь Луне.

Пока Ламия разбиралась с приборами в отдельной комнатухе, я поведал остальным, что увидел в душе Гектора. А хорошего там было немного. Прежде всего, у меня теперь имелись точные координаты нужной базы. Предатели каждый месяц перебирались с одной на другую, чтобы их было труднее отыскать. И укрытие падших из воспоминаний Гектора являлось основным. Главная проблема состояла в том, что вся прилегающая местность была защищена. Если что-то разумное оказывалось внутри огороженной территории, то тело мгновенно разрушалось. Это также была одна из запрещенных систем безопасности, но падшие уже не в первый раз нарушали правила, чем с лихвой оправдывали свое название. Итак, ничто выжить там не могло, за исключением тех, у кого стояла определенная метка, какую я увидел на затылке Гектора. С помощью нее падшие могли войти на эту базу и еще несколько соседних. Метку создавала Шакара, и даже наш пленник не знал, что она при этом использовала.

Когда я закончил, остальные казались как никогда хмурыми.

– Что ж, – медленно заговорил Дан, продолжая усиленно думать, – тогда нам требуется придумать план. Создать механизм или манипуляцию, которая окажет сопротивление их защите.

Ламия на секунду задержалась возле нас.

– Ой, да брось! – быстро выдала она. – Ты и по описанию понял, какую защиту они используют. Это заоблачные технологии, которые были запрещены обеими сторонами, а когда Свет и Тьма в чем-то изредка согласны, значит, объект их внимания действительно неприятен и противостоять ему – вопрос крайне затруднительный. Наверняка падшие закупились в «Белом луче», тем заоблачникам плевать, с кем торговать. Да и если бы это было что попроще, а не разрушающее оболочку поле, у нас все равно ушли бы дни, если не недели, чтобы выяснить природу защиты и узнать, какие дополнительные метки она в себя включает. И потом потратить еще неделю на поиск нужных и совместимых меток для ее предотвращения! А у нас с вами нет недель! У нас...

– ...лишь паршивые несколько суток, – кивнул Стефан. – Тогда, народ, мы в глубокой...

– Не совсем, – вмешался я. – Есть хороший, но не очень проверенный план.

Тут Ламия снова к нам подошла и тронула меня за плечо.

– Все готово. Я таких процедур, естественно, еще не проводила, но думаю, что справлюсь. Я много читала об этом в теории, да и практики с операциями на душах у меня полно. Вряд ли это сложнее. Притаскивайте сюда падшего, и начнем.

– Падшего? – переспросил Дан, нахмурившись. – Зачем?

– Макс собрался провести обмен душ! – с восхищением воскликнула она. – Ну или тел, тут вопрос уже скорее философский.

На несколько секунд повисла тишина. Протекторы взирали на меня с откровенным ужасом и неверием. Внезапно Стефан неприятно рассмеялся. Я неуверенно переглянулся с Ламией. Но тут Водолей перестал смеяться и сделался как никогда серьезен.

– Ты совсем идиот? Я-то думал, что дальше падать некуда, но нет, ты прорвал дно и летишь к черной дыре!

– Я редко согласна со Стефом, но ты что себе в голову вбил? Обмен?! – Фри так грозно двинулась ко мне, что я едва не отступил.

– Вы обещали не мешать мне, – сказал я.

– Не мешать спасению Луны, а не твоим попыткам суицида, идиот! – Фри прямо задыхалась от негодования. – Это... черт... как тебе такое только на ум взбрело? Никто на такое не пойдет! Коул уж точно не позволит!

– Нам нужен трансфер, – спокойно и строго напомнил я. – Падшие его просто так не отдадут. Значит, надо его выкрасть. А в их базу может пройти только тот, на ком стоит специальная метка. Сами мы себе такую не поставим. А что насчет Коула... то ему знать об этом и не обязательно. По крайней мере до того момента, пока я не окажусь на базе.

Стеф скрестил руки и неодобрительно взирал на меня. Я продолжал отвечать ему тем же. На самом деле мне не слишком нравилось его присутствие. Я так до конца и не понимал, почему он начал помогать и зачем пытался участвовать в наших делах.

– Почему именно ты? – вмешался Дан, который до этого молча обдумывал происходящее. – Почему не я или кто-то другой из протекторов?

Я рассказал об опытах, которые Шакара проделывала у себя в темных лабораториях. Поведал о людях, которые умирали, потому что их душа не приживалась в новом теле. Небольшой успех вышел только много лет назад, когда процедура была проведена над протектором.

– Шакара посчитала, что протектор лучше перенес операцию только благодаря тому, что в его душе был звездный эфир. Приземленные неспособны вынести этого. Душа не успевает как следует закрепиться в новой оболочке – у людей не хватает сил. Вы же просто продержитесь чуть дольше.

– Думаешь, с тобой все будет нормально? – скептически поинтересовалась Фри. – Откуда такая уверенность?

– От Антареса, – заверил я. – Он явно намекал на это. Он уверен, что это единственный путь. Операция возможна – мы видели ее на примере Меморы-Лэстрады. Они были заоблачными, и душа Лэстрады, да и души остальных ее сообщников, которые сейчас ходят среди светлых, смогли прижиться в новых оболочках. Но Антарес намного сильнее дэларши. Он сможет это сделать.

– Это все равно неправильно! Тебя там поймают, и что тогда? Макс, я даже представлять не хочу, что будет!

Я крепко сжал кулаки. Время шло, а мы всё вели этот бессмысленный разговор.

– Вы все равно понимаете, что другого выбора у нас нет! Вечность никому не дает лишнего времени, а Луне и так осталось совсем недолго. Если у вас есть иной гениальный план, как добраться до спутника Земли или проникнуть на базу падших, то я рад вас выслушать!

– А я считаю это хорошей идеей, – внезапно заявил Дан. – Непроработанной, да, но она действительно может сработать. Во всяком случае, такую импровизацию я всегда одобряю.

Стеф с вызовом обернулся к нему.

– Да он же ни черта не знает и не понимает! Он подохнет просто от того, что споткнется о входной порог!

– Нет, если мы будем его курировать.

Фри выглядела глубоко подавленной. Мне было немного стыдно перед ней, потому я подошел ближе.

– Я вернусь. Возможно, будут трудности, но я узнал от Гектора достаточно. Знаю как и куда идти, знаю о комнатах, где падшие бывают. Мне даже известно, где обычно торчит Грей. Только так мы можем спастись. Либо я рискну, либо никто из нас не выживет. Ты ведь это понимаешь, не так ли?

– Ты совсем не боишься за свою жизнь? – Ее голос был натянут тугой струной.

– Если честно, то не очень. Профессия протектора учит нас, что собственная жизнь – это меньшее, за что мы должны бояться. Все во имя спасения других. Альтруизм и самоотдача. Потому я не против рискнуть душой ради вас всех.

– Ага, скажи это еще раз, и я тебе поверю. Ты чего тут нам заливаешь и из себя героя строишь, а?

– Ну ладно, все же страшновато, – признался я. – Хотел покрасоваться.

Наконец Фри посмотрела на меня и стиснула челюсти.

– Только попробуй не вернуться, и тогда я приду сюда, к твоей пустой оболочке, и нашинкую ее как колбасу.

Я резко вскинул руки.

– Ставки предельно ясны.

Дану и Стефу ничего не стоило принести в Манипуляционную Гектора. Они даже услужливо погрузили его в сон выданным Ламией раствором.

– Вы ему там ничего не повредили? – поинтересовался я. – Не хочу ходить в побитой оболочке.

– Я тебе сейчас что-нибудь поврежу! – с натугой огрызнулся Стефан. Похоже, Гектор был тяжеловат.

Лишь когда я увидел падшего на кресле, мне стало дурно. Весь запал исчез, воздуха не хватало. Долю секунды я пребывал в настоящей панике. Что, если все пойдет не так и Ламия по ошибке уничтожит меня и Антареса? Или я попадусь падшим? Меньше всего на свете я желал возвращаться к Шакаре на стол. А вдруг я сделаю все, но не смогу вернуться в собственное тело? Мне не хотелось навсегда застрять в чужой оболочке!

Сотни страхов окутали разум, мешая дышать и трезво мыслить. Я отступил, но тут кто-то будто натолкнулся на меня.

«Не смей сдавать позиции, – послышался твердый голос Антареса. – Ты со всем справишься. Мы почти на месте. Нельзя останавливаться».

«А если что-то пойдет не так?! – отозвался я. – Я ведь буду там в одиночку!»

«Ты не будешь один. – Казалось, заоблачник вздохнул. – У тебя есть я – Антарес Преданный, Возносящийся, Озаряющий Мир, Порождающий Пламя, Непогасимый. Верховный Света. Я тот, кто отвоевал Великие Стальные плиты, спас от полной аннигиляции префектуру Амора, основал нынешние Паноптикумы, вел двадцатый Сумеречный поход и подвел к концу долгую Апофеозную войну. За свою жизнь я побеждал в более чем пятнадцати тысячах заметных сражений, уничтожил троих Верховных Тьмы, закончил битву за Люксорус. Мои враги спешили уйти с поля боя, узнавая, что на него ступил я. Они содрогались от одного лишь моего имени, даже когда меня считали мертвым. Так как считаешь, с таким послужным списком можно мне довериться при походе к заигравшимся с Тьмой приземленным?»

Я поколебался. Антарес почувствовал, что мне стало полегче, и добавил: *«Главное – перевесь звезду-подвеску на падшего».*

Просьба крайне удивила меня.

«Зачем?»

«Без нее я бессилен».

Мне вспомнилось, как на обследовании Шакара сняла с меня подвеску, и моя кровь мгновенно стала человеческой.

«Именно, – подчеркнул Антарес. – В ней мое эфирное сердце и светозарный огонь, который...»

«Да-да, та самая особая звездная сила, которой вы выжигаете все на своем пути, в отличие от эфира, которым вы только манипулируете да создаете доспехи с оружием», – с раздражением отозвался я.

«Я так и сказал».

Я отошел подальше, чтобы остальные не мешали вести важную беседу с Верховным.

«Тогда скажи мне, каким образом дикая мощь оказалась в жалком куске серебра? – Я ощутил, как резко ухудшился настрой Антареса. – И давай начистоту! Это меня тоже касается, а нам еще с тобой вместе тут торчать».

Заоблачник засомневался, но выдал: «Душа эквилибрумов напрямую соединена с ресурсами их небесных тел, нет никаких препятствий для передачи силы. Но мне пришлось создать себе таковое».

Я в изумлении вскинул брови и покосился на подвеску.

«Так это сделал ты?»

«У нас, эквилибрумов, два сердца. Обычное и эфирное. При рождении эфирное сразу оказывается в небесном теле, связывая нас с ним. Правда, кровнорожденные, как я, обретают полноценную связь, лишь повзрослев. Сердце вырабатывает эфир и огонь такой мощи, которую не выдержала бы ни одна телесная оболочка. Наши духовные силы в большинстве своем копятся именно там. Но я перенес свое сердце в подвеску. Потому мое небесное тело не выделяет энергии, и все решили, что я мертв. Помимо прочего, амулет еще и предохранитель. Я не имею доступа к силам, пока не соприкасаюсь с ним».

«Но... но подвеска же крохотная. Твое хранилище – одна из самых огромных звезд, видных с Земли. Как подвеску не разрывает от такой энергии?»

«Не забывай, с кем говоришь. В конце концов, я был Верховным».

Звучало правдоподобно. Но кое-что все-таки не давало мне покоя.

«Подвеска была подарком отца».

«Я знаю. Видел в твоих воспоминаниях».

«Откуда она у него?»

«Не имею ни малейшего понятия. По человеческим меркам с вашими мгновенными жизнями... прошло много времени с тех пор, как я оказался в таком несобранном виде. Эту подвеску могли передавать из рук в руки хоть сто раз. Но совпадение довольно-таки удачное, что она оказалась именно у тебя».

«А как ты вообще распался? По рассказу Поллукса выходит, что постепенно. Но как ты потерял разум?»

Тут меня позвали, и я нерасторопно двинулся к остальным.

«Неважно, – сказал Антарес. – Слишком многое произошло после Люксоруса, и то умрет вместе со мной».

«Так это действительно из-за тебя закончилась битва за Люксорус... И ты сразу же отправился сюда, на Землю. Я не буду спрашивать зачем, не мое это дело...»

«Тут ты как никогда прав».

«...но именно ты виновник происходящего. Ты... ты бросил свой народ. Не стал защищать его, скрылся в тени на отдаленной планете, и ради чего? Ты оставил Свет. И если бы тебя здесь не было, Земля не висела бы на волоске и мне бы не пришлось идти к падшим».

Я двинулся к своему креслу по приглашению Ламии, и только затем Антарес мрачно пророкотал:

«Ты даже не представляешь, чего бы еще не было, не окажись я здесь».

Ламия усадила меня. Фри не переставала нарезать круги по комнате, так искря волнением и страхом, что грызла ногти на руке. Стеф сидел на тумбочке неподалеку, Дан что-то делал с ухом Гектора.

– Все это время я буду с тобой на связи из Соларума, – сказал он. – И увижу то же, что и ты. Будем общаться. Только, главное, не заговаривай со мной, когда вольешься в общество падших. Это будет смотреться странно, а Гектор вроде как шизофренией не страдал.

Я кивнул, после чего слово взяла Ламия, задававшая на световых проекциях последние настройки:

– Операция займет часа два. Я надеюсь. В это время Дан и Стефан как-то отвлекут Коула с компанией. Сначала я извлеку душу падшего, затем твою. Естественно, душу Гектора мы в твоё тело подселить не станем. Оно будет пусто и обездвижено. Ни воли, ни мыслей, ни желаний. А вот будь ты настоящим эквилибрумом... Говорят, их тела так пронизаны эфиром, что даже после изъятия души воля может сохраняться. Безумная воля, без разума. Оболочка остается живой. Короче, я помещу оболочку в стазис, так что подгнивать она не будет.

– Вот уж спасибо, – проворчал я, вдавливаясь в кресло.

– Падшим по возможности на глаза не попадайся, – наставлял Дан. – Они будут спрашивать, где ты был, но мы с тобой это как-нибудь по ходу дела придумаем. Не бойся, я король импровизаций.

Близнецы включила нужные механизмы.

– Увидимся на той стороне, – хмыкнула она на прощание.

Должно быть, я быстро отключился. Все казалось медлительным, черным и густым. Я слышал лишь грохот сердца, пока и он внезапно не исчез. Повсюду замелькали слепящие огни. Они окружили меня, подхватили, словно безумный водоворот, готовый утащить на самое дно. Меня пугала мысль, что огни унесут меня прочь, и я изо всех сил отчаянно старался вернуться. Но чем яростнее я сопротивлялся, тем скорее поток вырывал меня из привычной реальности. В какой-то миг все утратило смысл, стало легким и эфемерным. Я застыл, а затем ощутил, как на плечо легла чья-то рука. От нее во все стороны брезжил красный свет.

Я открыл глаза, все еще щурясь. Вокруг плавали чьи-то лица, и единственное, что выглядело четко в размазанном окружении, – соседнее кресло, на котором лежал человек. Голова его была повернута в мою сторону. Когда перед глазами все перестало расплываться и образ превратился в единое целое, я взглянул в его лицо. И немедленно похолодел.

Рядом со мной лежал не просто человек. Это был я.

Глава XI

Доверенные

Яркий Еретам давно ушел за горизонт, и небо освещала большая и бледная галактика Симизара, напоминающая скорее пузырь, чем скопление звезд. Альдебаран едва успел ввалиться в кабинет и усесться за стол, как в проходе, словно по зову, возник одетый в рабочую накидку Лумис – комета-секретарь. На диво симметричный и тонкий, он тихо стоял, вытянувшись и сложив руки за спиной, напоминая статую из темного гладкого камня. Если бы не его короткие дымные волосы ядовито-синего цвета да огромные мерцающие глаза и трещины в полном теле, Альдебаран и вовсе бы подумал, что Лумис лишь притворяется живым.

Маленький эквилибрум никогда не говорил без надобности, верно ожидая нужного момента.

Альдебаран отвернулся от него и тяжело откинулся на спинку кресла, беспристрастно глядя в потолок.

– Лумис?

– Да, луц? – переливчато откликнулся секретарь.

– Что там у нас по делам?

Вспышка – и Лумис оказался на расстоянии вытянутой руки от Альдебарана, держа энергласс.

– Рабочая группа завершила создание ядра для восстановления третьего транзитного потока Кальцеона, – невозмутимо вещал комета. – Обещают вскоре приступить к последней стадии. Вновь разногласия за право добычи альстали в планетарных системах Денеба и Оги. Требуется вмешательство ваших замов. Представитель Банка памяти желает встретиться с вами как можно скорее, чтобы обсудить отчеты по последней четверти талидона. «Белый луч» подорвал поставку омния, украдены триста пять тысяч тонн материала. Ваш зам⁷ – Ольфус Остроглазый – вновь подал прошение на сбор войск для нападения на селения Темной армии близ Дробящихся плит. Как он сказал, цитирую: «Это наша исконная земля, а тартские отпрыски покрыли своей ублюдской Тьмой каждый миллиметр, сколько можно терпеть?!» Академия рекрутов Кальцеона просила вас провести...

Альдебаран уже не слушал. Он вымученно зажмурил глаза, чувствуя нарастающую головную боль, словно с каждым озвученным делом ему на макушку грохался огромный булыжник. Все мысли до сих пор вращались исключительно вокруг Зербрага и Бетельгейзе. И Антареса.

Что-то нужно было делать. Даже кипа обязанностей уже не казалась такой воинственно непреодолимой и важной. Он дал Бетельгейзе клятву.

Альдебаран выпрямился, сел ровно и с мрачным видом уставился на город по ту сторону окна. С тех пор как эквилибрум обосновался на Фадмирионе, в самом сердце Кальцеона, он все время продолжал изумляться, насколько же темным казался этот столичный полис, охватывающий почти всю поверхность небольшой планеты. И между тем он не был беспросветным. Полис казался изящным и нежным, хранящим свое сияние в едва мерцающих покрывалах материи, что сверкали над улицами. Высокие тонкие башни соединялись друг с другом арками мостов, фонарями создавая реку света на многие километры. Над стеклянными крышами домов стаями проплывали огромные еле видимые люминос – каждую ночь они собирали клювами Свет. Хребты живых гор вдали спали вечным сном, лишь изредка меняя свой мерцающий ландшафт. Альдебаран видел на улицах множество эквилибрумов – те шли куда-то по своим делам. А полис хранил спокойствие. Думалось, что он всегда пребывал в дреме,

⁷ 1 талидон – ок. 10 лет.

несмотря на многочисленное население. Альдебаран чувствовал с ним непреодолимую связь. Ему тоже не хотелось просыпаться.

– ...а Квентрир Тишайший просил передать вам, что...

– Лумис?

– Да, луц? – смиренно осведомился эквилибрум.

– Скажи, ты о чем-нибудь мечтаешь?

Лумиса не многое могло сбить с толку, но в этот раз Альдебаран его подловил. Он закрыл глаза и развел потрескавшимися руками:

– О том же, о чем и все, вероятно. Хочу хорошо отработать установленный любой душе срок на благо Армии Света да уйти в странствия. Возможно, найти новый дом. Посетить Стены Света, увидеть Великий Магнитный океан или ступить по Тропе Эфиоты. В конце концов, начать коллекционировать рептилий с разных планет.

– Почему их? – насмешливо нахмурился Альдебаран.

– А почему нет? – пожал плечами секретарь. – Все лучше, чем камни или жарканы.

– Понятно, – вздохнул эквилибрум. – Знаешь что... Отмени все мои встречи на ближайшее время.

Лумис дернулся и изумленно вытаращился на Альдебарана, словно тот пригрозил ему увольнением.

– Но... Луц... Вы же никогда...

– Никогда ничего не отменял и не делегировал? Ну, все случается в первый раз. В любом случае передай неотложные дела моим замам. На что-то же они у меня есть, верно?

– Будет сделано, – заверил Лумис, быстро записывая указания.

– И еще кое-что. – Альдебаран глубоко вздохнул. – Оповести всех моих незанятых доверенных, что они нужны мне здесь. Немедленно. И разожги камин. Нам предстоит серьезный разговор.

* * *

Доверенные никогда не подводили Альдебарана. Вот и сейчас: не прошло и зима, как те уже стояли в его кабинете, ожидая распоряжений. Их было четверо. Немного, но большего и не нужно; остальные могут подтянуться позже.

Фиолетовое пламя камина и желтые лампы в стенах ярко освещали каждого. В воздухе чувствовалось напряжение: все знали, что их вызвали не просто так. Альдебаран сделал несколько шагов в центр комнаты, отбрасывая длинную тень. Собравшиеся безмолвно взирали на его массивную фигуру. Эквилибрум оглядел их в ответ.

Изящный, длинноногий Мерихон Серый гордо и скучающе восседал на кушетке, не убирая руки с эфеса своего мерцающего светом клинка. Его рыжие волосы были коротко стрижены. На вытянутом лице, которое не знало шрамов, особо выделялись крупный тонкий нос да плотно сжатые губы. Мерихон был облачен в форму и темную накидку со слишком уж массивным стоячим воротником. Он казался особо важным, чего постоянно и добивался. Доспехи серебром сверкали на его голених и локтях.

Сириус Верный Дух стоял возле окна, тревожно скрестив руки на груди. Звезда часто казался Альдебарану маленьким зверьком, ожидающим опасности. Рядом с ним вытянулась прямая, как палка, Окса Пылкая. Два огромных глаза были главным достоянием округлого лица. Красные пряди едва доставали до скул, на лбу красовались рабочие очки-гогглы. Дорожный плащ покрывала какая-то белая пыль – верно, на зов она откликнулась, будучи на раскопках, где добывала все полезное, что оставили после себя древние битвы.

И последний – Габium Тихий Луч. Единственный, кто не смотрел на Альдебарана. Звезда внимательно изучал взором языки твердого огня в камине, словно общаясь с ним у себя

в голове. Красноволосый, матерый, с пристальными узкими глазами и квадратным лицом, невзрачным и немного обожженным у правой брови. На руках перчатки, сапоги стоптаны, поверх черной затертой шинели накинута багровый платок, которым Габиум частенько скрывал лицо. Альдебаран задержал взгляд на его сгорбленной фигуре и уже собрался заговорить, как Мерихон с легким нетерпением подался вперед.

– Луц, мы вас безмерно уважаем, – вкрадчиво, но с напором начал он хриплым голосом, – однако мы не можем сидеть тут вечность. Я вообще-то ушел с невероятно острой партии «кровного жребия» и надеялся вернуться и получить свой выигрыш.

– На это у тебя не будет времени, – мрачней, прогудел Альдебаран. – Свои пристрастия к подобным играм оставь вне кабинета. – Он перевел взгляд на других. – Премного благодарен вам, примумы, что откликнулись столь быстро.

– У нас проблемы? – уточнила Окса.

– Не только у нас. Боюсь, что у всего Света.

Все удивленно нахмурились, лишь Габиум выжидающе вскинул брови, опершись локтем о камин.

Альдебаран кивнул в подтверждение своих же слов.

– Кое-что произошло в Люксорусе. Помимо Зербрага.

И он изложил им все, что поведала ему Бетельгейзе об Антаресе и монструме. Казалось, костер в камине поблек, темнота сгустилась в каждом углу, давя на души собравшихся. Сначала возникло праведное неверие, но Альдебаран никогда не был склонен шутить подобным образом. Его подручным пришлось смириться с тем, что рассказанное им – чистая правда.

– Так значит... Антарес жив? – кротко спросила Окса севшим голосом. Она взволнованно приложила ладонь к ключицам.

Альдебаран замаялся. Он не хотел обманывать ни себя, ни других.

– Бетельгейзе сказала, что тот приземленный слился с обычным осколком. Не разумом. Это лишь память.

– Это шанс! – воскликнул Сириус. – Луц! Что тут можно обсуждать?! Мы должны выполнить приказ Бетельгейзе, вы же за этим нас тут собрали? А что, если там и правда не только память, но и...

– Мы не можем действовать исходя из одних догадок, – оборвал его Альдебаран. – Мне было поручено задание доставить этот осколок, чтобы ни одна посторонняя душа, помимо вас, об этом не узнала.

Мерихон прищурился и потер подбородок.

– Так выходит, что портал на Терре рухнул. Крайне, крайне подозрительно. Я бы не стал особо рассчитывать, что это простое совпадение.

– Именно поэтому мы обязаны поторопиться, – решительно заявил Сириус. – Мы должны послать туда крейсера!

– Они не смогут попасть в ту часть префектуры вовремя. – Альдебаран с мрачным видом присел на краешек стола. – Третий транзитный поток поврежден, а Терра является его частью. Из ближайшего к Солнечной системе порта крейсер будет добираться около полутора наомов. Не долго, но не в наших условиях. К тому же есть шанс, что приспешники Зербрага зададутся вопросом, зачем нам понадобился быстроходный боевой крейсер.⁸

– Считаете, доверять совсем никому нельзя? – уточнил Мерихон.

– Абсолютно. Мы не вправе рисковать, привлекая внимание. Поэтому до Терры нужно добираться тихо и по возможности незаметно.

Окса растерянно покачала головой.

⁸ 1 наом – ок. 4 дней.

– Самое разумное – ждать, пока разведчики не доберутся и не починят транзитную связь с Террой. Но это может затянуться.

– А что, если использовать ядро для третьего потока? – внезапно подал голос Габиум, который до этого молча внимал общему разговору. – Я слышал, что оно уже готово. Строить поток до одной планеты намного быстрее, чем для всех разом.

Альдебаран хмуро повернулся к нему.

– И как ты себе это представляешь? Думаешь, никто не заметит, что я подписал указ пустить целое ядро для связи с одной планетой?

– А вы и не подписывайте, луц, – хмыкнул Габиум. – Ядра имеют свойство изредка взрываться и исчезать. Я могу это проверить, у меня есть хорошие знакомые души, которые после помогут наладить поток с Террой. За небольшую плату они даже не будут лишним раз трепаться. Или же я найду другой рычаг давления. Хотя он им вряд ли понравится.

Лицо Габиума озарилось дружелюбной ухмылкой. Мерихон недоверчиво фыркнул:

– Твои методы каждый раз дурно пахнут. Как ты вообще...

– А это неплохая идея... – произнес Альдебаран. – Хотя... Нет. Это должно сработать. Если никто не пострадает и мы сможем быстро и тихо установить поток, то у нас получится незамедлительно оказаться на Терре! Мы приведем сюда монструма быстрее, чем об этом хоть кто-то узнает.

– Тогда доверьтесь мне, я сделаю все как надо, – сердечно заверил его Габиум, спрятав нижнюю часть лица платком. – Клянусь всеми Тринадцатью Благами. Вы ни о чем не пожалеете.

– Я всегда тебе доверяю. Сообщи мне, как только будут какие-то новости.

Стоило Габиуму исчезнуть прямо посреди комнаты, как суровый взгляд Альдебарана метнулся к Мерихону.

– А от тебя мне нужны слухи. Там, где ты постоянно ошиваешься, есть доверенные Зербрага, так? Конечно есть – как мелкие фигуры, так и те, кто только что вернулся с ним из похода. Им всем наверняка хочется кутить и беззаботно проводить свободное время.

Мерихон кисло растянул губы.

– Ошиваюсь? Луц, вы так плохо обо мне думаете?.. – Тут он споткнулся об красноречивый и прямолинейный взгляд Альдебарана. – Ну, вообще-то я видел нескольких как раз перед вызовом. Не знаю, откуда конкретно вернулись эти выскочки, но ставки они делали огромные.

– Тогда отправляйся туда сейчас. И слушай. Подсматривай. Если хоть один упомянет что-то связанное с нашим делом – я должен знать.

– А что же для меня? – решила уточнить Окса.

Альдебаран кивнул ей.

– Отправляйся на планетарную обсерваторию, следящую за галактикой Седьмого Луча, где находится Солнечная система. Собери данные, которые приходили с Терры за последнее время. Если они приходят и сейчас – держи меня в курсе.

Когда двое удалились, в комнате остался один лишь Сириус. Он прямо и уверенно взирал на Альдебарана.

– Луц...

– Ты ведь не забыл о своих навыках военного разведчика? – уточнил тот.

Сириус смутился.

– Никак нет.

– Ты был лучшим из своего рекрутского легиона. Всегда оставался незаметным даже в самых невозможных ситуациях.

– И всего раз допустил ошибку.

Альдебаран знал это, потому невольно взглянул на его сожженное ухо.

– Ты знаешь устройство главного Универсариума в Люксорусе?

– Немного, – уклончиво ответил Сириус.

– Я вышлю тебе планы здания. Возьми амулеты и манипуляции, тебе придется последить за тем, что туда принес Зербраг. Если потребуется помощь иллюзорщиков, обратись за нужными контактами к Габиуму.

Альдебаран с тяжестью на сердце подошел к окну, вглядываясь в туманные виды полиса.

– Вы о лампе Маяка? – догадался Сириус.

– Зербраг был вынужден отдать ее в Юниверсариум для подтверждения подлинности.

Но я ему не верю.

– Он вполне мог принести подделку.

– Именно. Это далеко не самое худшее, на что мог пойти этот ублюдок. Но я боюсь, что в Юниверсариуме также могут найтись его последователи, которые заметут следы обмана.

– Тогда я немедленно отправляюсь туда. Луц, я вас не подведу.

– Пусть Свет озаряет твой путь.

Только оставшись наедине с самим собой, Альдебаран наконец шумно и устало выдохнул. Все внутри него гудело от волнения и вопросов, которые он задавал сам себе бесчисленное количество раз за всю эту встречу. И ни на один он пока что не получил ответа.

Из дверного проема его внезапно окликнул Лумис.

– Луц, я не хотел вас отвлекать, но только что пришло сообщение о встрече.

– Я же попросил отменить их все, – зажмурившись, раздосадованно ответил Альдебаран.

– Оно от вашего отца. Он хочет встретиться с вами как можно скорее.

Глава XII

На чужом месте

Зенитное солнце пекло со всей жестокостью, будто желая побить рекорды температуры именно в этот день. Белый песок под ногами искрился, блестел и, казалось, был готов вспыхнуть, точно порох. Нетвердые ноги еле волочились, утопая в нем по голень. Барханы, над которыми вилась прозрачная дымка зноя, тянулись до самого горизонта, перемежаясь со скалами. Ни растений, ни живности не было видно. Все словно вымерло, обратилось в темные бугры, отбрасывающие на нас дрожащие тени. Скалы напоминали животных, в бегстве спасавшихся от тотальной угрозы, но в один миг застигнутых ею и умерщвленных путем вечного заключения в бесформенные монолиты.

Короче говоря, мы застряли посреди треклятой пустыни.

– Как однотипно. – Фри точно озвучила мои мысли.

– Главное, дьявольски жарко, – процедил Стефан.

– Я-то думал, что тебе это привычно, – буркнул я в ответ. – Протекторы же много странствуют.

Стефан проигнорировал мои замечания и, встав в тени холма, небрежным жестом подманил нас. Протектор изрядно взмок и выглядел сильно раздраженным и усталым. Я и сам смотрелся не лучше. Тело Гектора оказалось для меня непривычно грузным, а помимо физических нагрузок добавлялись еще и душевные.

Я мог бы составить длиннющий список неудобств смены тела. И дело тут уже не в слабости, смещении центра тяжести и появившейся потребности каждые две минуты смахивать с глаз челку. Хуже всего было то, что я все еще ощущал признаки старого хозяина, мимолетную дымку воспоминаний и силы. Как осадок на дне высохшего сосуда. Я влез в чужую оболочку, которая словно пришлась мне не по размеру. Интересно, Антаресу было так же плохо в моем теле? Он, кстати, все еще молчал. Порой казалось, что эквилибрум не следил за мной, а уходил в глубокое забытие. Возможно, он не мог постоянно находиться в сознании после стольких лет сна.

– Так. – Стефан рухнул на пыльный валун. – Долго нам еще топать?

Он достал бутылку с водой из кармана рабочего пояса.

– Не очень, – непривычно гнусаво пробормотал я, вспоминая карту местности, которую видел в сознании падшего. – Еще минут десять на север, и придем.

Стеф сделал глоток из пластиковой бутылки, при этом не отрывая от меня подозрительного взгляда.

– Ты все понял? Как быть, что делать, что говорить? Я, конечно, хочу в тебя верить, но ставлю семьдесят против тридцати, что ты проколешься в самом тупом моменте.

– Даешь мне тридцать процентов? – хмыкнул я. – Для тебя это даже щедро.

Главный план состоял в том, что я должен был прийти на базу и, стараясь ни с кем не заговаривать, отыскать трансфер, после чего выбраться оттуда живым и невредимым. Но, как может быть понятно из описания, план был жалок, наивен и, мягко говоря, не продуман. Все надеялись на этот чудный исход, но, как известно, если залезешь рукой в улей, полный осуждений, то ничего хорошего не выйдет. Меня заставили многослойно одеться – так падшие скрывали свое лицо от светоотражающих поверхностей, по которым их могли бы вычислить в Соларуме. Предатели часто кутались в шарфы, натягивали рабочие очки и капюшоны, потому мне приходилось жариться в одежде Гектора. Помимо этого, на тело были поставлены две хлипкие манипуляции (большого Дан сделать не успел). Они скрывали бросающиеся в глаза особенности моей внешности – после того как душа Антареса попала в оболочку Гектора, кровь, глаза и волосы стали выдавать в нем звезду. А этого падшим видеть не следовало.

Стефан недолго глядел на оставшуюся воду и с усталым видом вылил ее себе на голову.
– Скорее бы все это закончилось.

И еще раз пренебрежительно осмотрел меня с ног до головы.

– Не думал, что скажу это, но я бы предпочел видеть твою старую рожу, чем это.

– Так остался бы в Соларуме и любовался мной, раз так приперло, – буркнул я.

– Нам идти надо, – напомнила Фри, которая нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

Она завязала свои красные волосы в хвост, чтобы не было так жарко. – Задерживаться сейчас плохая идея.

Вскоре мы взобрались на большую песчаную насыпь. У спуска темными столпами разместились две гладкие скалы.

– Вот черт... – с легким изумлением выдохнул Стеф, внимательно приглядываясь к камням.

Пыль полетела во все стороны.

Он осторожно заскользил к подножью насыпи. Я устремился следом. К сожалению, мне так и не удалось привыкнуть к новому телу, потому вторая часть спуска прошла кувырком.

Фри хотела подбежать к одной из скал, но Стеф вовремя ее отдернул.

– Куда ты несешься?! – он за воротник оттянул ее в сторону. – Меток не видишь?

Стефан отпустил ее и осторожно приблизился к столпу. Он не касался его, только дотошно разглядывал издали, а после минуты затяжного молчания обернулся к нам.

– Вон. – Стеф указал на основание. – Въелось, почти не видно. Манипуляции. Мы дошли до границы.

Он достал стекло-накопитель и разбил его о камень. Полыхнуло белое сияние. В паре сантиметров от того места, где я стоял, песок стал окрашиваться в темно-коричневый цвет. Эта линия побежала в противоположные стороны, уходя далеко за пределы нашего взора. Фри испуганно отскочила от линии, на которой едва ли не стояла.

– Вот твари, – с ненавистью прошипел Стефан, смотря на столпы. – Все предусмотрели! А ты можешь не бояться, – сказал он, когда я отступил. – Это мы сдохнем, если перейдем, а ты падший. На данный момент. Тебе нужно идти дальше.

– Пообещай, что будешь осторожен, – попросила Фри, вставая рядом.

Я кивнул, но поток советов не иссякал.

– Если попадутся падшие, говори с ними как можно меньше! – задыхаясь от волнения, тараторила Фри, все сильнее сжимая мою руку, словно только так я мог усвоить ее слова. – Метками не сверкай! Ищи трансфер, а как найдешь – немедленно возвращайся!

Мне пришлось клясться собственной душой, что я буду как никогда аккуратен и обязательно вернусь. Едва удалось успокоить Фри, как ко мне размеренным шагом приблизился Стеф. Он молчал, отстраненно оглядывая лицо, которое на данный момент было моим, а затем подал стекло с манипуляцией.

– Это на крайний случай, – стал объяснять он. – Только сам не подставься. Если падшие все поймут – разбей возле них. Может, даже и спасет. Работает несколько минут. Все же какая-никакая помощь. Просто не дай себя поймать, как в прошлый раз.

– В прошлый раз я бы не попался, если бы не...

Я резко умолк, вспомнив, при каких обстоятельствах падшие схватили меня в лесу. Стефана тогда пристрелили. Или нет, ведь сейчас он стоял здесь. Но все равно мне казалось, что при Фри об этом лучше не говорить. Я особенно четко осознал это, когда напоролся на резко похолодевший взгляд Стефа, пронзающий не хуже ножа.

– В общем, – пробормотал я, отводя глаза, – я не подставляюсь.

– Только вернись живым, – вновь взмолилась Фри и обняла меня.

– Мне нельзя умирать. В противном случае другие протекторы прикончат меня за провал, разве нет?

И, высвободившись из ее цепких объятий, я прошел между двух столпов. Ребята исчезли, словно их загородило занавесом. Теперь меня окружала безжизненная пустыня.

Шел я долго и уже начал подумывать, что заплутал. Но вряд ли воспоминания Гектора могли быть ложными.

«Уже скоро», – внезапно донеслось из подсознания.

«И тебе привет», – отозвался я.

Разговор с Антаресом уже не вызывал волнения или трепета. Он стал восприниматься чем-то обыденным. И хотя мы были частично одним целым, я никак не мог проникнуть или заглянуть в его осколок. Верховный думал отдельно от меня и умело скрывался в своем закутке сознания. Потому, как бы ни хотел, я не мог читать его мысли. Но что-то подсказывало, что эта стена скоро рухнет и наши разумы сольются воедино. Кто знает, что тогда произойдет.

«Там будет трудно», – сообщил Антарес. – *Но мы справимся».*

«Уж надеюсь, иначе плохо станет не только нам».

Антарес будто задумался.

«Не каждый с готовностью пошел бы на это. Тебя хорошо воспитали».

– Воспитали? – Я незаметно для себя начал отвечать ему вслух. – Да, примеры были.

«Твои друзья-протекторы?»

– Нет, хотя многие – неплохой пример для подражания... Ну, их некоторые качества.

«Родители?» – поинтересовался заоблачник.

Я замедлил шаг и рассерженно вскинул голову.

– Не лезь в мои воспоминания! Свои запечатал, так и ко мне не суйся.

Антарес усмехнулся.

«Полагаю, что после моих воспоминаний ты бы совсем разочаровался в мире. Но согласен, это нечестно».

– Уж не думал, что великому и могучему Антаресу будет интересно мое прошлое, – проворчал я.

«Развлечений у меня немного», – вздохнул он. – *А время все равно надо скоротать».*

Пока я сбегал вниз по очередной дюне, заноса себе в ботинки еще больше песка, меня осенила одна мысль.

– Кстати, об этом, – тяжело дыша, начал я. – Что ты знаешь о моей семье?

«Только то, что смог увидеть в твоей части души. Но это все поверхностно, поверь. Твоя мать лишь недавно зажила с достатком благодаря помощи Соларума. До этого у вас имелись проблемы с существованием. Отца у тебя нет, давно умер. Он являлся адъютантом».

Я стал оглядываться и воспрянул духом, увидев впереди очертания места из воспоминаний Гектора.

– Верно. Простой адъютант. Так почему – ответь мне, дражайший Верховный, – твой разум лежал в его погребальной урне?

«Я не знаю. Я уже давно не был в сознании, чтобы ведать о таком. Должно быть, это простое совпадение. Кто-то хотел укрыть меня в Соларуме, самом безопасном месте на Терре. После “Белого луча”, конечно».

– И ты не знаешь кто?

«Нет», – признался Антарес. – *По правде говоря, без двух других осколков я помню меньше. С одним разумом трудно оставаться собой продолжительное время. Да и сознание ко мне только возвращается, ты сам должен это понимать. Ты был на моем месте».*

– Но с отцом моим ты был связан.

«Уверен, что запомнил бы такое даже в подобном состоянии».

Тут я подsunул ему свое воспоминание о том, как недавно мы с протекторами сидели у Домируса и играли в игру, суть которой заключалась в личных секретах. И в один момент вопрос был задан бездумному осколку Антареса.

– «Сожалеешь ли ты о том, что совершил с Луцемами?» – с натугой выдохнул я, взбираясь по склону. – Вот что спросила игра. Мне вот сожалеть не о чем. Я никогда своей семье жизнь не рушил. А тебе есть о чем сожалеть?

«Я не знал ни тебя, ни твоих родителей, – ожесточившись, ответил Антарес. – Сам подумай, как я мог это сделать: ходить среди протекторов, общаться с кем-то и при этом оставаться незамеченным? Меня бы обнаружили в Соларуме. Да и я бы ни за что не стал связываться с приземленными»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.